

Юлия Бекенская

*Город,
которого нет*

сборник

Юлия Бекенская

Город, которого нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12055865

ISBN 978-5-4474-2794-8

Аннотация

Город, которого нет, – это Питер. Тут не подводят стрелки часов, в метро есть станция для тех, кто ждет, а комиссионки воруют время.

Городок, которого нет, – провинциальный, со старым фонтаном, где в музее дремлет Яга, трамвай увозит в неведомое повзрослевших детей, а Мойрами работают небритые дядьки.

Города под чужими звездами и бродячие балаганы – тоже здесь.

Авторская коллекция фантастических городов и историй.

Фантастика, фэнтези, мистика. Место действия – город, которого нет.

Содержание

Рябь на Неве	5
Кошкины сны	5
Пьяная гавань	31
Экстерны	64
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Город, которого нет

сборник

Юлия Бекенская

*День за днём, то теряя, то путая след,
Я иду в этот город, которого нет.*

Регина Лисиц

© Юлия Бекенская, 2015

Редактор Андрей Селезнев

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Рябь на Неве

Кошкины сны

*...ты же темный, как кошкины сны,
потеряешься в городе этом, найдет полицейский,
а ты только «мяу» да «ы-ы».*

Дмитрий Воденников

Заболела она глупо, в разгар лета. ОРВИ, сказал доктор. Да какое, там, к черту, ОРВИ? что это вообще за зверь?

И еще этот обморок, в самом начале. Ленка, словно став на миг гуттаперчевой, вдруг скользнула на пол, свернулась эмбрионом и затихла.

Болела долго. Металась на простынях, и легкое тело ее стало вдруг жарким и неуклюжим. Никита заметил, что днем ей легче. Возвращался с работы, заставлял почти в норму. А вечером она опять бредила, скатываясь в полусон, или вдруг открывала глаза, глядела с испугом.

А после оказалось, что она от Никиты отвыкла. Смотрела в упор, словно чужая. Даже домой не хотелось: словно его выдавливало из общего их пространства. Сегодня, наконец, прорвалось.

– Я не знаю, почему так. Тыходишь – мне дышать трудно.

Как аллергия... – она осунулась, желтые тени залегли под глазами, скулы стали резче.

– И что мне делать? – спросил он растеряно.

– Не знаю, – она смотрела виновато. – Может, мне пока к маме уехать? Одна я боюсь. Сны... я сама себе снюсь, представляешь? В зеркалах. Двойниками. Не страшно бы, но это – не я. Смотрит, просит: отдай. Я сто раз спрашивала, что? Что? А она – отдай, и плачет...

– Уедет она... давай без резких движений? Ты отдыхай, а я за снотворным схожу, – Никита погладил ее по плечу.

Она не отстранилась, но было видно, как напряглась спина.

Он вышел на улицу. Аллергия на мужа. Нормально, да? Представилось, как в оскаленной mine рекламный агент протянет ему упаковку: – аллергия на мед, пыльцу и супруга? Аэрозоль «недышин» – мы вам поможем!

Но не игра это, не притворство. Другое. Ладно, там видно будет...

Питер мок под дождем. Глядя по сторонам, Никита думал привычно: почему у нас не моют окна домов? Вся Лиговка в грязных стеклах. Вот, полюбуйтесь: витрина, сто лет как не мытая, в ней – странная жестянка: то ли самогонный аппарат, то ли – робот из старого советского фильма. На синем бархате – звезды из фольги. Цирк! Сверху вывеска – «Трактор на Млечном пути». Внизу меню мелом на дощечке: кофе, бизнес-ланчи, банкеты, свадьбы... Цветным мелом при-

писка: КОЛДУНЬЯ. ВХОД СО ДВОРА.

Он пожал плечами и почему-то прошел во двор. Желтый колодец неприязненно щерился окнами. Единственное крыльцо в три ступеньки заканчивалось облупленной дверью. Белела табличка: «прием с 11 до 23». Пока Никита стоял и думал, зачем он тут, дверь приоткрылась.

– Заходи, – сказали ему, – чего стоять, раз пришел.

Колдунье было за шестьдесят. Смуглая, словно выдубленная солнцем и ветром кожа, седой еж волос и пронзительные глаза делали ее похожей, скорее, на флибустьершу в отставке, чем на деревенскую бабку-шептунью.

Он сидел в кресле напротив и следил, как маленькие крепкие руки тасуют колоду. Женщина смотрела без улыбки. Спросила дату рождения. Достала планшет, поводила тонким ногтем по сенсорному экрану. Никита хмыкнул: даешь смычку метафизики и нанотехнологий! Сейчас еще, в ногу со временем, клонирует гипоаллергенного Никиту и решит их с Ленкой проблему.

– Два года назад, в августе, – спросила она, – у вас что случилось?

– Ничего, – не сразу ответил Никита. Пальцем в небо, наверно, тыкала, а – попала. Раз такая умная, пусть сама скажет, и спросил: – А что?

Женщина сказала, перейдя почему-то на «ты»:

– Я скажу, а ты слушай. Если ошибаюсь – уйдешь. Она у тебя светловолосая, высокая. Мерзнет часто, в рукава ру-

ки прячет. Два года назад, когда... ты знаешь, что было, она чуть с ума не сошла.

Верно, подумал Никита, какой-то доброхот из агентства позвонил ей... перепутал, debil. Их с Чижом перепутал. Ленка чуть не спятила тогда...

– Она боится. Каждый день боится, что ты не вернешься. Страх у нее с тех пор. Сны у нее...

В цвет, подумал Никита.

– Она задыхается иногда, – продолжала колдунья, – ей все мерещатся те завалы. Кажется, что воздуха нет...

...Воздуха нет. Каменное крошево, пыль, песок во рту, на зубах, на языке. Рот сухой, хочется сплюнуть, а нечем. Дышать тоже хочется. Невыносимо, мучительно хочется дышать. Заорать никак, сдавлена грудь. Черт. Откуда она это знает?!

Колдунья не спускала с него глаз. Никита медленно кивнул.

Из-за двери появился мужчина. Небольшого роста, юркий, в улыбчивых морщинах, он принес с собой запах табака и мангала. Встал за спиной, положил женщине руки на плечи и чмокнул в макушку:

– Подхалтуриваем?

– Мешаешь, Рик, – она поморщилась. Сказала Никите: – Подожди здесь. Мы с мужем на минутку...

Оба вышли. Из приоткрытой двери долетали обрывки разговора:

– ...опять за старое? Отберут же лицензию!..

– ...сам, представляешь? Надо же, как, – женский голос был растерян.

– Прошлый раз нас вышибли из Мюнхена, – гнул свое мужчина. – Вот почему я шкурой сейчас чувствую неприятности?..

– Две недели назад, – женщина заговорила тише, до Никиты долетело последнее слово, – с той стороны...

– Марго, – простонал мужчина, – и ты открыла?..

Снова женский шепот, потом возглас мужчины:

– Ну, ведь безобидный же, да? Из местных травок? Корень женьшеня там, репей, ваниль с подорожником?..

После ответа женщины повисло молчание, потом дверь со стуком захлопнулась.

Какое-то время Никита не слышал ничего. Потом мужчина заголосил:

– ...открыть! А если ты ошибаешься? Ты представляешь, как можно влипнуть?! Господи, какое место удобное: центр, метро, аренда нормальная. Повара приличного нашел! – он причитал, как дервиш.

– Хорошо, – женский голос стал ледяным, – сейчас я пойду и скажу ему «до свидания», так? – и столько в этом «так» было силы, что моментально представил Никита, как взметнулся на мачте Веселый Роджер, тугим влажным ветром выгнуло паруса, и по воле маленькой крепкой руки рванула лихая шхуна на бордаж...

Муж пошел на попятный:

– Тихо, тихо. Не кипятись! А если...

Неразборчивая скороговорка. Рик сдался:

– Тоже, вроде, ничего страшного... Ладно, идем. Человек ждет...

Будет сейчас клоунада, решил Никита. Впрягт ему про дорогу дальнюю и даму треф, продадут жабьей икры полкило или хвост убитой в полночь гадюки – на счастье. Только откуда она про Ленку-то знает?

– Иди, – сказала Марго. – К ней иди. И не волнуйся. Все у вас хорошо теперь будет. Муж проводит, – и, кивнув на прощание, вышла.

И все?! – подумал Никита.

Мужчина повел его через коммунальные дебри. Остановился у обшарпанной двери, не той, через которую его впустили.

– Ну, бывай, – сказал хозяин. Если что – до четырех утра я тебя подожду. Вечер у тебя впереди и полночи.

Никита пожал плечами: с какой бы стати ему сюда возвращаться? И вышел.

Дворик был уже другой. Обычное дело – сквозная квартира на два выхода. Только зачем этот цирк?

Дождь кончился, ошметки облаков скользили по небу. Путь домой оказался длиннее – проходной двор, через который он привык срезать дорогу, был забран решеткой. Окольными тропами выбрался на Марата, нырнул в колодец род-

ного двора.

Позвонил, дверь открылась. Ленка распахнула глаза, прижала к губам ладошки, смотрела, будто не веря, потом бросилась на шею:

– Ты...

– Я, – опешил Никита, – а кто еще?

– Ничего не говори, – она повела его в дом, – потом, все потом. Сейчас ребята придут! Сейчас будет праздник.

Она сновала из кухни в комнату, накрывала на стол и щебетала. Как здорово, что он вернулся. Как теперь классно все будет. Теперь и окончательно все у них станет хорошо. Он хмыкнул. Может, потом и расскажет, как Никитушка-дурачок за чудом ходил. Но не теперь. Кого она, интересно, позвала? Сюрприз будет.

И сюрприз – был. Они ввалились все и сразу, хлопали его по плечу, жали руку. Сенька с Кайзером, года два их не видел, Карась... а этот как? Он же вроде... того? Никита слышал, говорили о каком-то страшном ДТП на Кольцевой. Слухи? Конечно, слухи! И Серега пришел. Этот живей всех живых, шуршит себе – от Зимнего до Смольного. Чиж ввалился, огромный, громогласный...

Чиж? Не может этого быть.

Он сам, Никита, ходил к его матери. Не хотел, боялся, но пошел. Кто-то должен был. Никита тогда с ним фотографом напросился, командировка была на месяц, от агентства новостей...

...Пустая улица, вода журчит из раздолбанных водопроводов, коты орут, как оглашенные. И они с Чижом, два идюта под южным небом в городе Н, где гортанная речь, а звезды злы и огромны, как блюдца. Где эхом войны – мины в домах, в тех странных домах, где вперемишку слепые глазницы выбитых стекол и стеклопакеты с дымами буржоек.

И дом. Вернее, уже не дом, а обрубок. Дурацкое это пари, рулетка гусарская, после которой он намертво бросил пить... Он да Чиж, оба пьяные в дым, хихикают и идут. Туда...

Никита вспомнил, как сидел на кухне, мусолил ложечкой кофе, смотрел в прозрачные, выплаканные до бесцветья, глаза...

Два года тому, ровнехонько. Чиж, Саня Чижов, город Н. Тела не нашли... как же это?!

Чиж крепко пожал ему руку, потом отвел глаза:

– Живой, черт! А мы тебя чуть... – и тут уже кто-то другой окликнул его, полез здороваться, и Никиту подхватило потоком. С непривычки, с развязки он как-то быстро сделался пьян, но никто не заметил. А за столом совсем не стало времени расспросить, потому что во всем этом шуме, бликах, запахах каждый говорил о своем и со всеми сразу:

– ...ору что есть мочи: Зенитушка, дави! чуть сердце не выскочило!..

– Ленюк, да не суетись ты, присядь. Тут все свои...

– Да какой это, к черту, движок? Вот у бэшки – да, это – движок...

Они шумели, чокались, и всем хватало еды и места. Ночь качалась, звенели подвески на люстре, лица краснели, и над столом висел тот праздничный шум, в котором невозможно говорить с кем-то одним и серьезно, а только со всеми – и про разную ерунду.

А когда обе стрелки на часах замерли в верхней точке, ставни на окнах с уличной стороны вдруг захлопнулись сами собой. Дом дрогнул, зазвенели приборы.

– Это что?.. – спросил ошалело Никита. Отродясь не было в доме ставен, никогда не закрывались снаружи окна.

– Разводят, браток, – весело пояснил кто-то, – ты что, придремал, что ли? Полночь уже. Первый развод.

Ставни открылись. Никита подскочил к окну и оторопел: вместо привычного колодца двора под окнами плескалась Нева.

Теперь дом выходил фасадом на набережную. На том берегу красиво светились купола Смольного собора.

– Что за бред?! – вырвалось у него.

– Охта? – разочаровано протянул Карась, подходя, – Да уж, не повезло. Пилить мне теперь до Гавани хрен знает как. Такси, что ли, вызвать?

– Подожди, – Лена подошла, обняла Никиту, положила голову на плечо, – еще в полчетвертого переедем, будет поближе.

– Да пора мне уже, – засобирался Карась, – сейчас тачку вызову. Кто со мной, ребята?

Никита тупо смотрел в окно. Лена погладила его по волосам и сказала:

– Знаешь, а когда ты пропал... нет, лучше не буду... Хотя, скажу. Я ставни сломала. Представляешь? Специально. Садилась у окна. Все смотрела тебя среди них. Среди прозрачных, – она заговорила тише. – Потом кто-то наябедничал, механики приехали и доктор. Грозил. А мне было все равно.

Она словно очнулась:

– Нет, не думай, что я сумасшедшая. Просто ждала... не верила, что ты пропал. Глупости разные делала... последний раз, недели две назад... – она оглянулась. – Ой, ребята собираются, пойду провожать, – и скрылась в прихожей.

Подошел Саня Чиж и встал рядом.

– Что-то ты не в себе, Кит, – сказал он, – Ты прости, – он замаялся, – я, как вернулся тогда, хотел к матери твоей зайти, но... не смог. А ведь и к лучшему, да? – он был уже сильно пьян, и бас его гудел, как труба.

Никита молчал. Что происходит? Как они из центра переехали на набережную? Почему Нева? Что за бред? Может, он спит?

– Стукни меня, Сань. Только легонько, – попросил он.

– Да ты что, браток? – застеснялся тот, – думаешь, я тогда сбежал? Меня оттуда выдернули, после твоей истории, словно морковку с грядки.

– Ага, – продолжил Никита, не сводя с него глаз. – Позвонил Леонидыч, весь на измене, и визжал в трубку: в двадцать

четыре часа! Чтобы духу не было!

– А ты откуда знаешь? – удивился Чиж.

Потому что это на меня Леонидыч орал, хотелось сказать Никите, это я из Н в двадцать четыре часа сваливал, это меня откопали, а ты остался лежать в той дыре, разметало тебя, так, что и пуговиц не нашли. Два года тому...

Но сказал другое:

– Ничего я не знаю. Я даже не врублюсь, как это мы сейчас переехали.

– Дык разводят, Кит. Первый развод – в полночь, потом – после трех, забыл, что ли? Где ты пропадал-то, братишка? Хотя – не сейчас. Зайду на днях, и расскажешь.

– Мосты разводят? – уточнил Никита.

– Мосты?... – Саня заржал, – Мосты... разводят? Ну ты дал! Помнишь песенку: в этом городе нет постоянных, кроме солнца, мостов и котов? Похоже, ни хрена ты не помнишь. Город разводят!

– Зачем? – спросил он.

Саня сказал терпеливо:

– Чтобы пропустить корабли.

– А мосты?

– Что – «мосты»? что ты докопался до мостов?

– Ну, мост разводится и корабли идут.

– Куда идут?

– Куда надо. По Неве.

– А откуда они знают, где в этот раз Нева потечет?!

Никита вытаращил глаза. Чиж помотал башкой и сказал:

– Харе дурака валять! Ты ж не настолько контуженый. Может, тебе пока с выпивкой завязать, а? Мосты – константа. Растут по графику, глянь расписание. За триста лет раз двадцать всего менялось, теперь постоянно. Не зря же место выбрано? Мосты растут, формируют русло, а город уже разводят вокруг, чтоб удобно было. График можно в интернете скачать... Что тебе еще напомнить? Из букваря? Мама мыла раму. Дважды два четыре. Слушай, – оживился он, – А давай я тебя, действительно, стукну? Для освежения...

– Я тебе стукну, – улыбаясь, пригрозила Лена, которая подошла неслышно и встала рядом, – Саша, тебя ребята просили поторопить...

– Ладно, бывай, – Чиж сунул ему лапищу, – созвонимся на днях. Мосты разводить, – повторил он, – юморист контуженый...

На посошок, прошуршало в прихожей. И все опять улыбались, жали клешню, а потом удивительно быстро для таких больших, шумных, нетрезвых всосались в задверную ночь и исчезли.

Чуть позже, когда вызверился серпом в окошке тонкий месяц, Ленка обняла его и сказала:

– Сегодня два года, как... но я почему-то знала. Позвонила ребятам. Мы никогда не говорили, что ты погиб. Ушел. Значит, должен вернуться. Год назад собирались, решили, что если придешь, никто ни о чем тебя не спросит. Но ты

мне расскажешь? Не сейчас, потом? – она заглянула в глаза.

Значит, я погиб, думал Никита. А Чиж остался. Стоп. Я? Вот он я. Дом? Мой же дом! Только дурацкие ставни. И Нева под окнами.

Тут его ждали. Вот только где это – тут?..

– Я даже к колдунье ходила, – сказала Лена, – две недели назад...

Облако волос под его рукой было невесомым. Светлые пряди, чуть светлей, чем у... его Ленки? Эта – другая. Бедная девчонка, подумал он. Ленка же... почти. Наверно, так сестрами-близнецами бывает: как две капли похожи, но нужна-то – одна. И точно знаешь, кто именно.

Она смотрела на него. Внимательно и грустно.

– Ты не расскажешь мне? Ты что... не рад? – спросила она.

– Рррад, – сказал он с запинкой.

И что рассказывать? Жил дома, с тобой, долго и счастливо. До этого вечера. А она два года ждала его здесь. Да не его! Другого Кита, которого нет на этом свете, наверное. Смелого, бедового... потому и остался там, в провале. А выкарабкался – другой...

А может... а если это наркотик, и он грезит? конечно! Подмешали что-то в питье, вот и сглючило. Мозг обрадовался, стал услужливо толкать по этому пути: ты спишь, это сон...

– Хочешь, завтра съездим к доктору, – вдруг предложила Ленка. – Он очень известный: гипноз там, тренинги... вос-

становление памяти. Я посмотрела, на всякий случай...

– На какой случай? – спросил Никита.

Приехали. Где ты, где ты, белая карета? А ведь ее тоже что-то смущает. Он другой. Похож, да не тот. Как воскресший кот с кладбища домашних животных. А тот неплохой, похоже, чувак был. Как все обрадовались! Вот уж свезло увидеть собственные поминки.

И что теперь делать? До четырех, сказал ему Рик. А потом что? Он превратится в тыкву? Или просто не сможет вернуться?

– На какой случай? – повторил он. Она не ответила.

Бедная девочка. Бедная, ага, сказал внутри кто-то злой. А кто кричал его Ленке: отдай? Кто его сюда затащил?

– Лена, как звали колдунью? – спросил он.

– Зачем тебе? Глупости же...

– Такая маленькая, смуглая, с седыми волосами?

– Толстая, огромная, с рыжей крашеной копной, – засмеялась она и обхватила его за шею.

Ну врет же! тоже чувствует, что все не так.

– Лена, – спросил он, – ты что, знала? что я – не он? Другой Никита?.. ты знала?

Вспугнутые птицы в ее глазах поднялись. Взгляд потемнел, и стало яснее несходство. С мягкой, молчаливой Ленкой. Его Ленкой.

– Что ты говоришь, – ровно сказала она. – Разве есть на свете другой? Давай спать. А завтра будет новый день.

И ты поведешь меня к доктору, подумал Никита, на лоботомию, угу... Бредовый день, бредовый город. Как сказал Чиж? Кроме солнца, мостов и котов? Неожиданно для себя спросил:

– Солнце, мосты и коты... почему коты?

– Спроси сам, – она отвернулась, кусая губы. – На лестнице Ватсон дежурит.

На лестнице. Ватсон. Дежурит. Нормально?

– Так я... пойду? – спросил он чужую женщину с лицом Ленки.

– Ты вернешься, – ответила она. – Чуток подумаешь и вернешься. Я проснусь, а ты уже будешь здесь.

Никита вышел, не ответив. На лестнице закурил.

– Я же сто раз просил дымить пролетом выше, – раздался голос. Никита оглянулся в поисках собеседника. На подоконнике сидел крупный рыжий кот.

– Здравствуйте, – сказал он – Ватсон?

– Ага, – откликнулся кот, – и тебе не хворать. Предвижу вопрос. Отвечаю: говорю тут, действительно, я.

Никита затушил сигарету.

– Мне нужно на Лиговку, – сказал он.

– К Марго собрался, – Ватсон прищурился. Его голос ровным мурчащим дискантом звучал прямо у Никиты в голове. – Она мне кило парной телятины обещала. Ты ей напомни при случае...

– Ты знаешь Марго? Ты понимаешь, что тут происходит?..

– Вообще или в частности? – осведомился кот.

Никита взглянул на часы.

– Некоторым жаль потратить пять минут на разговор, который может сберечь им сутки, – заметил Ватсон.

– Я слушаю, дружище, – вздохнул он.

– Теория котоцентризма, – начал кот.

Издевается, подумал Никита.

– Теория котоцентризма, – продолжил собеседник с нажимом, – уходит своими когтями в тот период, когда зарождался этот город. Петербургский пра-кот, любимец Петра...

– Разве у Петра был кот? – спросил Никита.

– Петр построил город, – был веский ответ, – разве можно сделать что-то стоящее, не имея поддержки кота?

– Да, в самом деле...

Кот застыл, словно проверяя, нет ли в ответе иронии, и продолжил:

– Мы не любим перемен. Поэтому все, что можно было сделать постоянным, стало таким: дождь идет строго по расписанию, мосты растут по схемам. Пра-коту пришлось повозиться, намурлыкивая архитекторам чертежи. Весь город, развод которого – произведение искусства, подчинен ритмам котогармонии. И только вода переменчива.

Никто не знал, где возникнет Нева в следующий раз. Годы наблюдений позволили обезопасить котов и горожан. Установить порядок, в котором никто не рискует проснуться в одно ужасное утро в своем доме, в своей постели, но на дне

речном...

– Круто, – восхитился Никита. – А как вообще тут передвигаются, когда город разведут?

– Никак, – припечатал кот, – на развод города нельзя смотреть. – Он словно цитировал по памяти: – Его необходимо переждать за ставнями, или – прижавшись к любой вертикальной тверди, исключая гранит...

– Почему гранит?

– По кочану! – отрезал он. – Гранит – это набережные. Самая нестабильная структура после воды.

– Тэкс, – он задумался. – На Лиговке тебе делать нечего, нет там Марго. Метро запечатано до пяти... вот бедолаги, кто застрял – так и катаются по кругу. Значит, сейчас выйдешь на набережную. Дороги – час с небольшим, только в три тридцать опять город разводят. В обрез.

– А... завтра? – спросил Никита.

– Если тебе сказали сегодня, значит, сегодня. Завтра тебе откроют, только вот куда ты от них попадешь? Твердо решил?

– Н-не знаю, – сказал Никита с запинкой. – Но не нравится мне. Как я понял, Лена, – он покосился на дверь, – что-то сделала, чтобы вызвать сюда... Черт, вызвать – как духа, прям! Меня из... оттуда, короче. И думает, что я останусь. Она похожа, но – другая.

– Интересно, какой бы стала твоя, если б ты пропал? – заметил кот.

– А она понимает, что я – не тот?

– А тебе что за дело, если решил?

– Ну, надо же ей объяснить...

– Что? Что она украла тебя у другой? Что ты – не тот, которого она любила, а тот пропал насовсем? И ты готов на все, чтоб удрать, потому что она – такая же, да не та? А ты думал, горе женщину делает мягче и красивей?.. – прозвучало в голове скороговоркой.

– Ты что? – крикнул Никита, – да какое тебе дело?!

– Эти твои мысли, как рыбки в аквариуме. Плавают так близко, что зацепить их – пара пустяков... – он растопырил когти и деликатно погрыз между ними, – опять собаки блох натащили, чтоб их...

– Но это же не мой мир, – заорал Никита, – я привык мосты разводить, понимаешь? Мосты! Я не умею тут жить!

– А хочешь? – спросил кот.

– Интересно было бы... посмотреть. И живы все тут. Кроме меня...

Кот смотрел, не мигая. Словно ждал, когда до Никиты дойдет.

– Живы... все? – прозревая, спросил он, – мама... батя?..

– Я тебе что, горсправка? – огрызнулся тот. – Мне-то откуда знать?

– Понятно, – кивнул Никита, – я пойду, наверное. Только попрощаться надо бы?..

– Иди уже, – ответил Ватсон, – поняла она все. Засунь

свои прощалки знаешь куда!

– Ты чего, рыжий? – опешил Никита.

– Думаешь, легко? – прошипел кот, – я дежурный. Весь подъезд: головные, сердечные боли, живот или артрит – все на мне. Боль душевная – туда же! Слава богу, нормальные люди спят. Только на первом этаже у мальчика зубки режутся. И вы оба на мою голову. Иди!

Никита кивнул и пошел по ступенькам. Бросив взгляд вверх, увидел, как исчезла светлая полоска под дверью.

– Про телятину не забудь, – прозвучало вслед.

Та же Нева. Привычный запах – огуречный с воды и бензиновый с улиц. Нормальный Питер, а не город Рубика, где в смотрящих – коты. За полдороги он не встретил ни одного прохожего. Как они, вообще, тут живут? Сидят за ставнями, бедолаги. А самая козырная питерская отмазка – мосты развели, не успел? у них, наверное, так: город развели... светлая память!

Клочками потянулся туман. Никита шел, потом бежал, понимая, что не успевает. Двадцать семь минут четвертого. Сейчас ему надо быть где угодно, но не на улице. Увидел мост, бросился к нему и понял вдруг, что уже не один.

Появились люди. Первый, второй, потом еще, и вот уже вокруг полно народу: наряженные кокетки с зонтами и в шляпках, бритоголовый амбал, старуха с лицом пресным, как ржаная горбушка... Брели бесшумно, поодиночке и группами. Совсем близко прошмыгнула стайка хорошень-

ких девчонок в мини-юбках, с глазами большими и пустенькими.

Никита стоял на мосту. Крепко вцепившись в перила, смотрел, как тает, съедается туманом гранит, исчезают деревья, а дома, ворочаясь неуклюже, начинают распадаться, как кубики, разбросанные в досаде малышом-великаном.

Простоволосые и в париках, бедняки и франты, чиновники в камзолах и каторжане в цепях, с язвами на мосластых лодыжках, люди шли и шли – из тумана в туман, такие же зыбкие, двигались из расщелин домов в плотную мглу, окутавшую город.

И звучал в голове голос, мягкий, мурчащий:

– Их всех, как ты понимаешь, нет. Но – красиво, согласись. Завораживает. Все возвращаются в город, – кот говорил торжественно.

Интересно, на каком расстоянии он может за ним наблюдать? Тоном гида Ватсон продолжал:

– Пока не изобрели автоставни, некоторые выходили искать своих. Не возвращались, конечно. А если возвращались – совершенно невменяемые, да... – голос ублаживал.

Люди шли, дробились дома, под рукой дрожали перила. Никита плыл. Конечно, ничего этого нет. Как нет отсюда исхода, и лежит он сейчас, босой и голый, под свайной набережной, а верткие лихие людишки делят его нехитрый скарб: торбу с краюхой хлеба, да горсть медяков, честно сработанных подмастерьем в лудильной лавке. А через пару ми-

нут булькнут незадачливым телом в воду мутную да стылую, и поминай как звали Никитку, мамкиного с батькой сына. Бежать надо. Бежать...

Он тряхнул головой. Под руками по-прежнему дрожали перила. Вот бесовщина. Будто в прошлую жизнь заглянул. Он огляделся. Города больше не было. Было марево, и зыбкий воздух, и твердь моста под ногами; да еще – сумасшедшая баржа с песком, которая вдруг оказалась внизу.

– Что ты стоишь, болван? – прозвучало в голове. Мост сейчас тоже... того! – быстрее, – прошипел кот, – дурень! Сигай вниз, пока мост...

Он перегнулся через перила. Метров восемь. Если правильно сгруппироваться... да нет, бред!

– Быстрее, – беззвучно проорали в голове.

Он набрал воздуха в грудь и прыгнул. Казалось, время застыло – так четко он ощутил свой полет. Сухой песок выбил остатки дыхания.

...Крошево во рту. Нечем дышать. Открывать глаза нельзя, проходили. Насыплет пыли, зашиплет, а пошевелить рукой, протереть – невозможно. Под веками картинка: медленно и торжественно, как в кино, оседают перекрытия, рассыпаются балки, встает пыльное облако. И тихо. Грохот, и вдруг тишина. Сдавлена грудь. Не хватает воздуха. Где-то тут же, наверное, Чиж. И бесполезно орать, никто не услышит в этом чертовом городе под злющими звездами. От бессилия он зарычал, заворочался. И все-таки открыл глаза.

Баржа мирно ползла по реке. Он лежал, закопавшись, уйдя в песок чуть не по пояс, как богатырь Святогор в землю. Но, кажется, жив. Слава богам. Или котам? Халявщики. Котоцентристы. Сами бы сигали с моста головой.

Не сразу, но поднялся. Мимо плыли заброшенные гаражи. Сама река казалась заросшей и неопрятной. От гранитных мостовых не было следа. Где он? Конец Фонтанки? Обводный?

Сидел, глаза по сторонам, пока не увидел огни. Баржа неторопливо приближалась, и он смог прочесть аляповатую вывеску: «Трактир...» – крупными буквами, дальше мельче, и он прищурился «...на Млечном пути»?!

Должен успеть. Когда баржа поравнялась со зданием, прыгнул, стараясь как можно дальше отлететь от страшного смоленого борта. Греб что есть силы, одежда мешала, но вода, к счастью, была не холодной.

– Это потому что у нас всегда стабильная, солнечная погода, – раздалось в голове.

– Скажи лучше, чтоб дверь подержали, – прохрипел он.

– Уже, – сказал голос обижено, – я свои обязанности блюду.

Ноги почувствовали дно. С мостков кто-то тянул руку.

– Вот и ладошки, – сказал Рик. – Вернулся – и хорошо.

Ввалились в таверну. Мокрый, как Ной, Никита вызвал у постояльцев интерес.

– Пари, определенно пари, – предположил интеллигент-

ного вида очкарик. – Коллега, бальзаму не желаете?

– Рому ему, – откликнулся здоровяк в сувенирной бескозырке.

– Лучше пуншу горячего, – сказала существо с нежным румянцем, не разберешь, юноша или барышня.

– Кофе, – отрезал Рик, – пей и пошли!

И посетители мгновенно утратили к нему интерес.

– Вот ведь, – сказал Рик, – как сердцем чувствовал неприязности!

– И зачем вы меня сюда запихали? – спросил Никита.

– А я – знаю? – огрызнулся Рик. – Марго вот была уверена, что ты останешься.

– А ничего, что я – не тот, кого ждали?

Рик вздохнул.

– Да не знала Марго! Не знала. Она меня вконец доконает. Вот ответь мне, почему так? Есть человек, например, повар... Золотые руки. А его, понимаешь, тянет петь. Блеет, как козел, фальшивит, а ростбиф готовит – очередь на месяц вперед в ресторан. А эта скотина в хоре поет. Вместо того чтоб готовить.

– Ну, нравится человеку, – отозвался Никита.

– Нравится, – повторил Рик. – Марго вот, к примеру, поставь перед ней толпу оборванцев – укоротит! Темпермент! – он потряс сжатым кулаком. – Администратор от бога. Но ей хочется волшебства. Опыты, пробы. Годами! при полном отсутствии дара и интуиции. Голая физика, сплошь гад-

жеты, интернет, фармацевтика... и при этом хочет называться колдуньей. А тут – ты. Даты рожденья совпали. Лицо – одно. Она обрадовалась! Решила, что притянулся тот, кого искали. Думала, сам пришел, потому что с той девчонкой они ритуал провели. Ладно бы из местных травок она ей пошло сварила. Нет. Контрабанда... – Рик вздохнул. – Ведь в самой дальней дыре, самого захолустного мира она умудрится найти контрабандный канал. Эту бы ее энергию, да в мирные цели. Вечерок у нас был сегодня... Таможня... Санинспекция. Я бармена рассчитал. Какой был бармен...

Рик покачал головой. Вошла Марго, положила руку мужу на плечо.

– Меня подвел поставщик, – сказала она Никите, – вот ты и влип.

– А я-то тут при чем? – спросил Никита.

– Ну, как бы попроще... давай так. В одном месте, довольно странном, есть, гм, минерал. Местные растирают его и заваривают, на манер кофе. Я цапанула пару унций, когда мы удирали из Мюнхена.

Бедный Рик, подумал Никита. Он с ней не соскучится.

– Понимаешь, я всегда знала, что этот тип – халявщик. Зато дешево. А тут он мне, то ли сдуру, то ли горело у него, товар толкнул качественный...

– И ты этот кофе заварила девушке, которая пришла сюда две недели назад, – продолжил Никита, – и что?

– Те туземцы вообще очень странные ребята, – продол-

жала Марго, – раздумчивые такие. Сутками на месте сидят. А мир у них райский. Идиллия. Минимум затрат при максимуме результата. Как-то так этот напиток действует, что, когда ты понимаешь, *что* тебе надо, события выстраиваются оптимально для *как*. Вектор он дает, вот что. Вектор. Той женщине нужен был ты.

– Но тот... я – погиб?

– Откуда я знаю? Наверное. Будь сырье похуже, действие послабей, она нашла бы в своем мире кого-то похожего. А так контрафактное пойло выдернуло тебя. Передозировка вышла. Бывает, – Марго смотрела чуть виновато.

– Я зайду к вам еще? Просто так? – спросил Никита.

– Съехали мы, дружок. Пока, видишь, здесь. А у вас – совсем закрылись... иди, – сказала Марго.

Знакомая дверь. Он открыл и шагнул в утро. Раннее августовское утро где-то в новостройках. Услышал, как захлопнулась за спиной дверь, и что-то тяжелое немедленно придвинулось к выходу.

– Будь здоров, – донеслось за спиной.

Брел долго, мокрый и злой. В метро, конечно, его не пустили. Лишь около девяти оказался в родных местах. В знакомой лавке зубастый продавец зазывал:

– Свежее мясо! Купи, дарагой! Скидка первому покупателю!..

В парадную он входил с пакетом в руке.

– А ты уверен, что это именно телячья вырезка? – раздал-

ся голос. Рыжий котиче сидел на окне. – Где брал?

– Ты? – Никита почти не удивился. Слишком много событий за одну ночь. – Ты что, за мной всю дорогу бежал, что ли?

– Это тебе бегать надо, – самодовольно ответил Ватсон. – У нас другие средства передвижения.

– Как Ленка? – спросил Никита.

– Которая? – насмешливо уточнил кот, – но ответил: – Та – выкарабкается. Ставен уже не ломает, – он осторожно засунул морду в пакет, – понимаешь, тот, другой, за два года стал у нее бронзовым. Идеальным. А тут – ты. Обычный. Посмотрела она, посмотрела... И с пьедестала сняла. Отойдет потихоньку. Отболеет.

Никита кивнул и пошел вверх по лестнице. Порылся в кармане, ища ключи. Дверь распахнулась.

Его ждали.

Пьяная гавань

Место, где земля закругляется.

Лев Кассиль

– Долго еще? – Николай ежился, охлопывал себя по карманам, крутил шеей, привыкая к одежде.

Старик взял его под локоть. На ночной улице они были, как бельмо на глазу: пожилой гражданин в плаще и берете по случаю хмурых, как обычно, летних погод, с банкой в авоське, и рослый парень с сумкой через плечо. Впрочем, кому какое дело?

Окраина Ленинграда. Тут и днем безлюдье. Лишь ветер ерошит деревья, гонит по улице пыль и листовки. В выбитом окне первого этажа наискось плакат «Хопер инвест – отличная компания». Конец улицы Савушкина, в прошлом безымянного отростка Благовещенской.

Слева потянулся бетонный забор с лоскутами объявлений и пузатым граффити.

Предупреждение: «Стоять! Прохода нет». Жирным и черным: «Банду Ельцина под суд». И совсем странное «Не в деньгах счастье», какого-то спятившего от нынешних передраг доброхота. Через сотню метров в заборе обнаружилась дыра.

– Сюда, – Ильич пролез первым, огляделся. Прикру-

тил звук в слуховом аппарате. Мало ли. Может, кое-кому не спится.

От дыры сквозь заросли вилась тропинка. Огромный пустырь в молочном свете напомнил Николаю поле чудес. Останки грузовиков в бурьяне, строительные вагончики, гаражи, хибары из ящиков, местами новехонькие, кое-где – просевшие от старости внутрь. На высоком сарае реял красный флаг.

– Заброшенная лесопилка, – пояснил дед.

Кто-то там есть, подумал Николай. Людей он не видел, но чувствовал, что на всей этой, безлюдной с виду, земле, кишит жизнь. Как в муравейнике.

Ноги болтались в чужих башмаках, плечо ныло. Сволочь тяжелая, думал он, все зло от нее. Подавил порыв размахнуться и зашвырнуть сумку подальше.

Пахнуло водой. Дорога шла под уклон. Тянулись ржавые рельсы. Куда? в тупик, ясен перец. Сейчас все пути тупиковые.

Остовы лодок, камни. Кучи щебенки и песка. Пахнуло дымком и едой. Макаронами, решил Николай, и в животе забурчало. Зудели комары. Шмыгнул через дорогу кто-то серый и тут же растворился в тени.

Вода. По акватории, сколько хватает глаз, лодчонки и катера, ржавые баржи и корабли – самая густая жизнь там. Вдали едва угадываются точки рыбацких лодок.

Ноги вязнут в песке. Зеленые от ряски сваи, тухлые за-

води меж причалов и запах – свежих огурцов и соляры. Перевернутые лодки, при цепях и замках, чтоб не сперли. Все равно сопрут. Время такое.

– Кажись, этот.

Щербатый причал пружинил под ногами. Покачивался катерок. Старик стукнул по борту:

– Боцман, принимай!..

В каюте заворчалось, грохотнуло. Заспанный лысый мужик в тельняшке поздоровался с дедом, сунул клешню Николаю. Рукопожатие было крепким.

– Проходи, – кивнул он.

Николай, достал из сумки обернутый газетой сверток, протянул старику:

– Спасибо, Антон Ильич. Вот, – он замялся. – Вы точно решили? Может...

– Не может, Коля, – мягко сказал дед, – ступай с богом.

Николай шагнул на катер.

Ильич сунул сверток в авоську. Край желто блеснул металлом. Катерок отвалил, лавируя меж посудин.

Хрен теперь эти Кольку достанут. Сплюнул, побрел вдоль берега. Ничего, прорвемся. Тут свои правила.

Он называл их «эти».

Эти хапают все, до чего дотянулись. Плодятся, как мухи-дрозофилы: вчера один, завтра – туча. Страну растащили, схарчили. Всосали заводские дымы, понатыкали кабаков. Под лубок расписали, суки, город: всюду торгуют, крутятся,

перетирают, палят. И слова-то у них жуют и чавкают: тач-ки, баб-ки, тел-ки, ларь-ки. Гнилое племя!

Вот был пионер, Славка... щекастый пацан, ревел над воробьем, подранным кошкой. Птаха в руках, кот на дереве... глаза птичьи пленкой подернулись, лапки дрыг. Славка стоит, слезы капают... и чего вспомнилось?

Был Славка – и нету. Смолотило и выплюнуло. Есть теперь Ярый, авторитет. Сопляк, а туда же, чавкать: пуш-ки, стрел-ки...

Меж гаражами завыла собака. Подхватила другая, ближе к яхт-клубу. Старик прислушался, улыбнулся. Глянул в авоську, проверил, не разбилась ли банка. Заспешил, огибая топляк и камни, по берегу.

Железный ангар, рядом пара автомобилей с открытыми дверцами: далеко не уедешь, колес-то нет. Автомастерская. В иные ночи лязгали там без перерыва, матерились, а из щелей под дверью бился лиходейский свет. Сегодня темно.

Обогнул сваленные покрышки. За спиной заорали:

– Дедушка, сигареткой не богат?

Обернулся и вздрогнул. Перед ним стоял хот-дог. Ростом на две головы выше, покачивался на длинных, обутих в войлочные сапоги, ногах. Из пары румяных лоснящихся булок бесстыдно торчала сосиска.

Видение протянуло руку. Девичью, с длинными пальцами. А безымянный с мизинцем скрючен, как на птичьей лапке.

Ильич выдохнул:

– Людмила! Поберегла б старика... так ведь кондрашка хватит! – достал «Беломор». – Чем богаты...

Безголовая Люда – так ее тут называли. Без шапки ходила даже в лютый мороз. Ядвига все спрашивала: Людмила, зачем вы без головы ходите?..

Хот-дог откинул с лица сетчатую тряпицу. Прозрачная, по-чухонски белесая кожа, глаза в пол-лица. Соплей перешибить, осподиини...

Ильич чиркнул спичкой, дал прикурить даме. Молчали. Чего говорить?

Год назад, в девяностом, окончила училище. И кому нужен ее Рахманинов? Устроилась, мир не без добрых людей, тапершей в подвальный кабачок (как пианино-то туда затащили?). Внешностью бог не обидел, хотя до дебелых, ногастых шмар, обсидевших шалман, не дотягивала. Охрана с пониманием отнеслась, клиентов просили – не троньте маляхольную. Полгода поработала, не пыльно, эх, может, и сейчас бы лабала...

Два огонька в полумраке, сырой ветер с залива.

Люда вытащила несколько беломорин:

– Можно?.. – лицо опять спряталось за тканью. Махнула, побрела прочь.

Тогда, зимой, Ильич случайно ее углядел. Стоит в проулке, раздетая, руки в крошewe красно-белом, трясется. Едва увел.

Той зимой акватория поздно встала. Тогда же Кайрат по-

явился, за месяц до Людки, чуть раньше – боцман...

Кайрат, когда его достали, только мычал. Ничего, окле-
мался: бушлат потеплей, супчик горяченький... прижился.
До сих пор по «рафику» своему горюет. Но лучше уж тот
на дне, а он тут, чем наоборот, верно? Нелюди: живого че-
ловека топить...

...Петляет хот-дог бурьянами Пьяной гавани. Людка,
что ль? Какая Людка? Не знаем никаких Людок. Показалось
вам, гражданин начальник.

Нет тут людей. Одни мороки.

...Если на вас надеты поролоновые булки, а под ними –
подаренный боцманом тельник, то ночь на заливе простудой
уже не грозит. Лето, говорите? Ну-ну.

Ко всему человек привыкает. К вечной качке, вою сиг-
нализации с берега и сальным, дымом пропахшим волосам.
К гнусавым молитвам Кайрата и мощному храпу Ядвиги.
К кровавым теням в коридоре, когда небритый студент пе-
чатает фотографии перед зачетом. Красный колпак на един-
ственной лампе, увеличитель, похожий на портовый кран.
Боцман смеется, что студент дробит на журнал «Советское
фото». Маслянистые жижи, карточки на прищепках... глядя
на них, можно подумать, что ты в общежитии. Нормальной, на-
стоящей, и впереди у тебя – лекции, гулянки и целая жизнь.

Эх. Где она, жизнь? Разбилась с гипсовым Буддой в кафе
«Лилия» о дурную башку. Клиенту, главное, хоть бы хны.
Подумаешь, блузку содрал, по нынешним временам, спаси-

бо б сказать, что не кожу... Неблагодарная Людка, эх-эх... Будду жалко.

Один ушлый мужичок на барже все ее расспрашивал. Расчувствовался, аж слезу пустил. Думала, кадрить ее пытается... и куда делся? Боцман сказал, переехал на другую квартиру... Ага, а квартира мокра и полна мелких рыб. То, что поет, знает. Да не хотелось бы с этим еще раз столкнуться...

Раз она вышла воды набрать. Гигиенические процедуры в отеле «Пингвин» – целый аттракцион. Мужикам проще – воды на харю плеснул, и орел, а бабам – как хочешь, так и выкручивайся. Ведро на веревке за борт кинула, своему отражению в рожу, а она, рожа рябая – нырк! Вбок ушла. И на Людку из воды пырится.

У нее тогда сердце чуть горлом не вышло. Нахрен ту гигиену; ведро упустила, визжала так, что боцман на палубу выкатился – без штанов, но с монтировкой.

Той же ночью впервые пение слышала: от серенады в ушах сережки звенели. Ядвига мигренью маялась, а Кайрат четки тискал, шептал: шайтан.

Видать, это Людкин визг задел за живое – мол, оно тоже умеет. Кошмар. Но чутьем, которое у человека без адреса просыпается, знала Людка – не за ней та песня.

За ней другие ходили. Тот козел, Буддой венчанный, подарил ее своим бугаям. Так и сказал: кто пианистку найдет, тот ее и танцует. Всем трудовым коллективом...

Но ко всему привыкаешь. Зимой туговато, конечно: ду-

бак, а буржуйка греет, пока рядом сидишь. Не разнежишься.

А по весне халтурка нашлась – не бей лежачего. Спец-одежда, питание. Тетка знакомая для кафе сосиски выди-рала из хот-догов, а булки, говорит, хошь, себе забирай. Весь «Пингвин» теперь эти булки трескает.

Люда протиснулась меж гаражами. Всем ватные штаны хороши: сберегут от комаров и собак, от непрошенных кавалеров застрахуют, а гопников легко отпугнуть, назвав имя работодателя. Но один существенный минус сжирает все плюсы: чертовски трудно пробираться в узких местах!

Вытянула застрявший рукав и замерла. Впереди на тропинке стоял человек. В руке держал... оборжаться! Карту.

Взгляд сосредоточенный, как у пионера на спортивном ориентировании. Ах, сколько тропинок было истоптано в Лемболово, сколько костров сожжено. Давно. В другой жизни.

Крепко, сноровисто одет дядька. Высокие ботинки, ветровка, кепи. Ровный загар, очки не дешевые... Взгляд цепкий. Сейчас такой редкость. Все больше вниз смотрят, чтоб не нарваться. Немолод. Красиво старится мужик: дубеет, как хороший коньяк. На яхтсмена похож. Но эти дальше по берегу. Мажор или буржуй. Набежало, акционеров хреновых. Только карта красавчику зачем?

– Огоньком не угостите? – спросила она.

– Извольте.

Слово-то какое! Русский чистый, с мягким акцентом.

Прибалт? Белые, длинные, как у врача, пальцы вытянули за-
жигалку. Выпорхнул огонек.

Люда прикурила и благодарно шаркнула ножкой. Маневры хот-дога ограничены, зато жесты обретают выразительность.

Незнакомец фыркнул и поклонился в ответ. Прямо полонез среди бурьянов: хот-дог и спятивший прибалт с картой.

Дядька зашагал к берегу. Люда затаилась, провожая его взглядом, закашлялась. Отрава! Балда, надо было стрел-
нуть. У такого запросто пачка «кента» могла завалиться.

Докурила, с отвращением натянула на руки огромные пер-
чатки: как боксерские, но с пальцами. Миккимаус, блин.
Но холод не тетка.

Мужчина споро шагал по тропинке.

Пахло тухлой рыбой, цветущей водой (не сравнить с цве-
тущей акацией, да!), дымом с дороги. Под ногами хрустело
стекло.

Сосиска! Если б не голос, ни за что бы ни догадался, что
в кошмарном одеянии дама. Однако ничего не меняется. Он
хмыкнул.

От пяти до ста пяти дамы-с одинаковы, абсолютно все.
По-прежнему любая начинает кокетничать и строить глазки.
Польщен, конечно. Но сосиска... Боги, как надоело! Не сто-
ит забывать, что он тут гость.

Просто гость...

Он протрубил губами невнятный марш. Конечно, дамам

он обязан многим. Именно они, знойные черноволосые сеньоры, спасли его, белесого, ни черта не понимавшего чичако от смерти. Пригрели на могучих, гладких, как баклажаны, грудях, научили языку, одарили всем, что имели...

Почему-то в жаркой Мексике его рыбы глаза пользовались у женщин успехом. Он ухмыльнулся, вспоминая, как вынырнул из теплого, так не похожего на эту вонючую лужу, океана. Ошарашенный, безъязыкий...

Остановился, глядя на стайки мелких суденышек. Тогда по берегу еще торчали кабаки, полные грязной матросни...

Последний раз он был в России в семидесятых. К этому времени уже неплохо обустроился в Европе (когда в запасе вдруг оказалось восемьдесят лет без старости, это можно себе позволить): с прилично набитым кошельком, репутацией коллекционера, отсидев на жарких берегах революцию, обе мировые, железный занавес. Не такой он был, кстати сказать, и железный. Хотя время для экспедиций не лучшее.

Переводчики, молодые и спортивные, как из одного инкубатора, ходили с ним всюду, пресекая попытки посмотреть жизнь ленинградских окраин.

– Дались вам эти новостройки, – улыбались они. – Возьмите билетик в Кировский.

После Ла Скалы Кировский не удивлял. Но положение обязывало: он покорно шел и зевал в царской ложе.

Сейчас проще. Приходилось, конечно, опасаться за свою шкуру, но общий бардак и дезориентация граждан на облом-

ках страны делали путь безопаснее. Больше никто не навязывал переводчиков. Проституток, валюту, матрешек – да. Но стоило съехать в частные апартаменты, и этот сервис сошел на нет.

Зато ощутимо теплело. Он чувствовал – близко. Частым бреднем прочесывал комиссии. Благо, узконаправленный интерес давал возможность осмотреть каждую вещь.

Удивительно, что пришлось вернуться в проклятое место. Впрочем, возможно, тут закономерность...

Единство места? Хотя он предпочел бы больше не экспериментировать. Но тогда был дурак, молодой, самонадеянный... к счастью, обошлось: спасибо оборвышам, что удачно тогда подвернулись. Если прибор тот самый – он просто возьмет его и уйдет. Страна стукачей – хорошо, что хоть в этом ничего не изменилось.

Не стоит считать его злодеем или одержимым. Он смеялся, глядя на расплодившиеся фильмы о сумасшедших профессорах. Мадам Шелли оказала кинематографу неоценимую услугу.

Все намного мягче, чем представляют сценаристы. У него в Бельгии, в уютном особняке за высокой стеной, живут четыре кошки.

И ему совершенно не нравится убивать.

Глядя на волны, гость наклонил голову влево, выпятил нижнюю губу и застыл, покачиваясь...

...Историк стоял в лодке – тощая фигура в резиновом

макинтоше. Вместо классного журнала прижимал к животу круглую железную штуку со стрелками. В лунном свете блистало стекло на глазу. Точно, Цапель!

Тае вдруг стало жарко. От тяжести преступлений, как совершенных, так и будущих, ей овладела бесшабашная лихость.

– Говорил тебе, он! – прошептал Митька. – Которую ночь к матросам плавает. Не иначе, за марафетом!

На кораблях дальнего рейда светились огни. С берега побрехивали собаки. Мерцали фонарики яхтенной ресторации. Это днем она ресторация, а ночью – притон. Митька рассказывал.

Если историк поймает – вышвырнут ее из гимназии. И так только из-за голоса держат. На молебнах мадам попечительница шепчет: «так ангелы божии поют» – про нее, про Таю. А тут – гимназистка ночью в порту. С мальчиком. В лодке!

Но Митька умеет ее окрутить: то притащит мертвого голубя, чтоб она пошила саван из лоскутов, то поведет по фабричным крышам...

Все богатство Митьки – гнутый гвоздь в кармане штанов. Отомкнуть лодочный замок этим огрызком для него плевое дело. Узнает лодочник – Митьке крышка. Но что историк делает ночью в гавани со странной железкой?!

Цапель торчал, как жердь, саженьях в десяти. Их лодчонка дрейфовала недалеко от берега, скрытая тенью огромной ивы.

От воды холодило. Натянуло тучи, скрыв из глаз тощую фигуру.

Вскрик. Косой луч желтого света, как раз от лодки историка, прорезал темноту и вошел в воду.

Перегнувшись через борт, Тая увидела дно: камешки в иле, нитки водорослей и обломок доски, воткнутый в грунт. Появились мальки, верткие, как иглы. У самого дна извивалась змея. Или угорь? Рыбки будто не замечали света. Что-то было с ними не так. Она прикрыла ладонью рот, когда поняла: задом наперед они плыли!

Откуда-то появились крабы с клешнями. Пучеглазые, с Митькину голову. Раковины, огромные, как лохань, приоткрывали створки, будто дышали. Диковинные рыбы: круглые, как шары, верткие да цветастые: желтые, синие... а которые и полосатые. И все – хвостами вперед, что ж это, мать Божия?

Бесовская вода! Казалось, дно отодвинулось, стало глубже. Тая перекрестилась, не жива, ни мертва.

– Что это, Мить?

– Нечисто дело. Тикать надо! – Митька схватился за весла.

– Уже не надо, – сказали над ухом так ласково, что ее пробрало до мурашек.

Историк улыбался. Круглая штукавина на носу лодки светилась. На часы похожа, только стрелки острые, витые, а вместо циферблата – вязь неизвестных букв. Они тонко подрагивали, а воздух над ними дрожал и светился, словно втяги-

вая в себя все, чего луч коснулся: крабов, раковины, рыб. Полупрозрачные, они двигались по этому лучу и пропадали в дьявольских часах.

– Вовремя вы, оборвыши, – весело сказал учитель.

Он повернул стрелку, и плакучая ива, под которой они дрейфовали, съжилась листьями, просыпалась в воду тонкими ветками, и белый остов ствола, похожий на рыбную кость, стал голым и мертвым.

– Мы случайно, – зачастила Тая, – мы больше не будем. И никому не расскажем, честное благородное слово! – от звука ее голоса луч задрожал сильнее, будто хотел запеть с нею в такт.

– Конечно, не расскажете, – блеснул моноклем историк.

Лодки болтались вровень. Митька метнулся, но Цапелю легко, как щенка, приподнял его за шкуру.

– Пусти, колдун! – заорал Митька, – тебя не боюсь, часов твоих дьявольских...

– Это астролябия, – учтиво пояснил историк.

От спокойного, насмешливого голоса у Таи застучали зубы.

Историк с силой швырнул Митьку на дно лодки. Тот ударился затылком о банку и стих. В воде вставали со дна корабля, обнажались белые кости скелетов.

– Значит, так это работает... – Цапелю подкрутил стрелки, и направил поганую штуку прямо на Таю.

Он почувствовала, как рвануло из-под груди, воруж дыхание, вы-

сушивая кожу. Не вздохнуть. Закашлялась, и кашель вышел сухой, дребезжащий.

– Оставь, – заревела она, а горло жгло от удушья, – дьявол, марафетчик поганый!..

Историк наблюдал с интересом, покачиваясь, будто у школьной доски. Тая закрестилась часто, но страшный сон не проходил.

– Не умирает, – удивился учитель.

Она закричала, и голос ее чудный тоже хотел жить, чистый, девичий:

– Богородице дево помилуй, – билась, но не могла выскользнуть из дьявольского луча. Он пьет ее жизнь, и из моря тянет, из воздуха, из рыб...

– Яви, молим тя, скорую помощь твою по морю плавающим и от ветров бурных тяжкия скорби терпящим, – шептала Тая.

Цапель стоял, прислушиваясь, но вдруг просиял: поднес астролябию к лицу и широко открыл рот, будто заглатывая этот луч, этих рыб, эту жизнь, которая еще в них осталась. Тая рванулась, чтобы сбросить его, но Цапель заметил. Узкое тело в макинтоше, блестящее, как рыбина, изогнулось. Резиновый плащ хлестал ее по лицу, гладкий и мерзкий, словно кисель.

– За все надо платить, оборвыши, – сказал он. – Особенно за любопытство, – и бросил ее за борт.

Ее закружило в бесовской воде, потянуло ко дну, обожгло,

заколело иголочками под кожей.

Наверху лодка ходила ходуном и все-таки перевернулась. Две сцепившиеся фигуры забарахтались в облаке пузырей. Их тащило на дно. Но Цапелъ вдруг выпустил из рук астролябию. А потом исчез. Словно растаял в воде, растворился. Пропал!

И вода стала обычной водой: исчезли скелеты, перестал клубиться ил.

Митька шел ко дну. Тая схватила его за волосы, загребла отчаянно, не успев удивиться, откуда взялись силы. Хотела выдрать у него из рук астролябию, да где там! Зеленый, теплый, нечаянно приятный луч обнял ее. Вдруг стало покойно. Она поняла, что ничего плохого больше не случится. Тащила Митьку, а сил словно бы прибывало. Только б добраться. Только б Цапелъ не появился опять.

На берегу Митька кашлял отчаянно, но дышал. Открыл глаза.

Она хотела сказать, мол, все позади, живы, и слава бо... Ночной воздух ожег горло. А Митька как заорет! Она по щекам его хлопать, и тут...

Увидела руки свои. А пальцы – зеленые, и перепонки меж них... а Митька все визжал, в крике заходился. Дуру-то золотую схватил, чтоб в нее швырнуть, но Тая отпрянула. Вода приняла ее, как родную.

Стала понятно, отчего так ловко она плыла, и так от того понимания стало тошно, что она закричала.

От крика завыли собаки, закрестились спросонья матросы да жители прибрежных хибар, а лодочник дядька Прокоп очнулся и чуток протрезвел.

Откричалась, оглядела руки с прозрачными перепонками, ощупала мягкие, отброшенные течением волосы и поняла, что больше не Тая. Не огорчилась: умение огорчаться осталось на берегу.

...Митька появлялся еще раз. Был не в себе. С матушкой, все ей на воду показывал. А после пропал. Многие пропадали. И историка она больше не видела.

Потом ход времени замедлился. Тихо текла вода, холодная, но это не было неприятно. Баюкала. Стало покойно и хорошо. В глубине под ноздреватым камнем нашлась уютная пещерка. Она свернулась в ней и заснула.

Снилось, будто вода вокруг многожды замерзла и оттаяла вновь. И еще, будто кто-то баловался с лампадкой, задувая и поднося лучину опять, наверху то гас, то зажигался свет.

Когда проснулась, казалось, что всегда была такой. А Митька, Цапель и золотая дура ей приснились. Ее мир теперь – сваи, зеленые от водорослей причалы, редкие корабли. И время.

Очень много времени...

...Проскользнуть между сваями, оглядеться, по старой привычке, не заметил ли кто, как тот мальчик...

Даже за толстым стеклом видно было – юнец. Вытаращил глаза, покачнулся, ртом воздух хватал. Сам белый, глазищи

огромные. Пожалела мальчика, за трос дернула. Взлетел вверх, больше не возвращался. Даст бог, оклемался. Решит, что привиделось.

Были и другие, без шлемов и толстых костюмов. Падая, оставались уже насовсем. Последний год сыпались похожие, как на подбор: бычьи шеи, бритые головы, толстые пальцы. Последнее, что видели – ее глаза, хотя едва ли могли разобрать в мутной зелени вод. Корчились, пуская последние пузыри...

Одного, еще живого, она из машины вытащила, сдала старику. На барже прижился. Этот свой.

На дне тоже город. Пряная влажность, туман. Выше по течению чего только не лежит. Бросают с набережной колеса, шкафы, матрасы. Ночами падают, корчась, люди. С колтухами, в мешках или так. С дырявыми головами, удавленные, частями и целиком. По течению выше целая армия. Рыбки-колюшки общипывают, будто целуя, частицы плоти. Не любит она там бывать.

Здесь, в гавани – чище, хотя надо в оба смотреть, чтоб не наткнуться на тросы катеров и лодчонок. Подальше, в остовах барж, славно можно укрыться, когда наверху слишком людно. У суденьшка»..ркий» (горький? зоркий? юркий?) на палубе сани лежат с рыбаком. Провалились под лед, да так и остались.

Выпита жизнь в этих водах, множество зим назад. Оттого и покойникам здесь вольготно. А живые на катерах, в хиб-

рах на берегу – те, кто в мире не к месту пришелся. Чует она: и верхних, вроде старика, и нижних, как новенький, что уткнулся башкой в коробку с надписью «Горизонт». Раздутые руки и ноги, волосы водным ветром шевелит. Отцепить? Может, ищут беднягу. Нет, опять упадут ныряльщики в толстых шлемах, будут возиться, бродить...

Обитатели верхних пределов попрячутся. Кто рыбачить уйдет, кто у прибрежной шмары застрянет. Тариф пол-литра, а мутным утром, может, постель сырая обломится, с такой же неприятной, как сам, в дворницкой подвальной халупе...

У боцмана гости сегодня. Катер, как телок возле мамки, у рыжего борта «Пингвина» торчит. Этих она не обидит, старик расстроится.

Поближе подплыть, прижаться к скользкому от тины борту...

– Надолго к нам? – спросил боцман.

Николай пожал плечами. Он засыпал на ходу, последние сутки выдались хлопотными.

– Ладно, – боцман хлопнул его по плечу. – Я Ильичу сказал: этот – последний. Спалится дед. Он у нас один на всех партизан.

– Мой дед Митяй тоже партизаном был, – откликнулся Николай. – Геройский мужик, недавно совсем помер, до девяноста не дотянул чуток. Слесарь от бога! Все умел: любой замок зубочисткой... сейчас бы это дело оценили. Один

пунктик имел: воды до трясушки боялся. По пьяному делу такое лепил! Хоть вызывай санитаров, – помялся, все-таки добавил: – Из-за его наследства я тут и торчу. Да от жадности бабьей...

Боцман хлебнул из фляжки – черной, с оскалом веселого Роджера:

– Яхтсмены подогнали. Хочешь? – протянул собеседнику. Тот хлебнул, поблагодарил кивком.

– Беспokoюсь за Ильича, – продолжал боцман. – Да и нам бы отсюда пора... спалить корыто к чертовой бабушке... ты видел, как горят корабли?

Не дождался ответа, вздохнул:

– А я видел, во Владике... Их, когда на иголки ободрали, соляркой поливают и жгут. Прикинь: стоит на рейде корабль. День горит, два... Когда остынет, можно внутрь пролезть. Гарью тянет... Пусто: ни тебе переборок, ни потолка. Хоть танцуй. И тии-иихо...

Он прикрыл глаза.

– Жалко, конечно... но там вот – покой. Скажи, отчего так: на баржах брошенных, в кораблях горелых, домах пустых – такое спокойствие ощущаю... Прямо как Будда. – Он был уже не очень трезв, загорелый рыбацкий Будда в тельняшке.

– Тут тоже покой, – отозвался Николай, – уж намного спокойней, чем там, – махнул в сторону города.

Тихий плеск за кормой. Боцман открыл глаза. Перегнулся

за борт, сказал:

– Ты вот что. Иди, покемарь вниз. Отдохни.

Николай скрылся в люке. Боцман всмотрелся в туманный берег. Ухо уловило музыку и бурчание двигателя.

– Нездоровое оживление, возня и гам, – пробормотал он. – Покой нам только снится...

– Эта ночь может нам помочь, – летел из окон джипа нежный девичий голос. Тачка подпрыгнула на ухабе, водитель ругнулся. Пассажир на переднем сидении продолжал:

– Если он вписался, то и отвечать должен. Где бабло? Нет бабла. Где эта, мать, авто... лярва? Астролямбда?

– Астролябия, – поправил Ярый.

Он развалился сзади на кожаном сидении. Костюм, без этих ваших малиновых пиджаков, классический, цвет – мокрый асфальт, рубашка в тон. С банком удачно перетер сегодня по кредиту. Без кожанок-кепок последнее время он себя ощущал рангом повыше. Бизнесмен, чо.

Синебрюхов продолжил:

– Где лох? Нету. Но дед-то есть?

– Есть, – лениво ответил Ярый.

– Бухгалтер, милый мой бухгалтер, – пела магнитола.

– Притормози-ка, отолью... – Синебрюхову не сиделось.

Ярый тоже вышел из машины. Хорошо жить! Он стоял, как Ржевский из анекдота, глядя на предрассветный пейзаж. Гаражи, руины. Тут бы бульдозером пройти, казино на берегу, кабаков натывать. Лас-Вегас, чо.

Упаковка банок джин-тоника оказалась на капоте.

– Даешь, Синебрюхов! – хохотнул Ярый, – как у тебя мамон не треснет?

– А мне нра, – отозвался тот, взрезая целлофан. – Нормально так штырит.

В два мощных глотка осушил банку, смял, швырнул за развалюху, похожую на деревенский нужник, и потянулся за новой. Но рука застыла на полпути.

– Мммать, – только и смог сказать он.

В синюшном свете к ним плыло видение: гигантский хот-дог со смятой банкой в огромной лапе. Синебрюхов ошалело смотрел на сосиску и тер глаза.

– Мля буду, так совсем и брошу, – сказал он.

Ярый ржал. Стучал себя по ляжкам, всхрюкивал, утирал слезы.

– Это... тебе... закусь сама пришла, – простонал он.

Сосиска укоризненно возвышалась в бурьянах.

– Я ему ща!.. – заорал Синебрюхов, – будет тут людей пугать!..

– Остынь, – Ярый пришел в себя. – Работает человек. – Ты под Ермолаевскими? – хот-дог качнул огромной башкой. – Немой, что ли? Он любит убогих, – пояснил напарнику. – Говорит, добро на том свете зачтется. – На тебе, вот, убогий, для согрева. – И щедрой рукой протянул пару банок пойла. – Может, и нам зачтется.

Толстые перчатки едва сгибались, сосиска прижала пода-

рок к груди.

– Добрее надо к людям, с пониманием, – назидательно сказал Ярый. – Будь проще, и к тебе потянутся.

Хот-дог развернулся, глядя, как джип, переваливаясь на ухабах, двинул в сторону залива.

...Свинцовая рябь, запах тухлых водорослей. Развалившийся причал и любимый камень в паре метров от берега. Ильич достал банку, открыл, вдохнул запах клубники. Сел ждать.

Круги на воде. Он приветственно поднял банку. Из воды показалась голова.

Спутанные, пучком, волосы на макушке. Круглые глаза, широкий нос, огромный лягушачий рот. Когда-то эта физиономия его чуть не довела до инфаркта.

Теперь он был рад. Тихонько, по-жабы перебирая лапами, существо подобралось к берегу. Ростом со стариком было вровень. Крепкое, бочонком, зеленоватое тело, едва прикрытое лохмотьями. На суше двигалось неуверенно. Обхватило банку длинными, в прозрачных перепонках, пальцами, застенчиво достало ягоду. Улыбнулось.

Улыбка вышла жутенькой.

Ильич приносил игрушки. На резиновых лягушек оно обиделось. В другой раз захватил куклу и пистолет. Куклу забрало. Пистолет вернуло. Девочка?

– Возьми-ка, – сказал Ильич, разворачивая сверток.

Астролябия: круглая, тяжелая, со всеми стрелками, вер-

ньерами и непонятной символикой выглядела, конечно, солидно. Но не золотая же! чего они к ней привязались? Подумаешь, антиквариат...

– Возьми! – протянул он, – у тебя целей будет.

Но существо резво нырнуло и скрылось меж камней – как не было.

– Какие люди в Голливуде! – послышался голос.

Джип выкатил на берег, из тачки вышли трое. Двоих дед не знал, а вот третий – Славка-пионер... тьфу, то есть Ярый. Нелюдь.

– Здоров будь, Антон Ильич, – сказал Славка.

Амбалы топтались у машины. Еще бы: из Ильича боец – как из Ярого бизнесмен. Ишь, пиджачок надел! Да хоть рясу монашью – все с тобой ясно.

Дед ждал.

Ярый заговорил:

– Такое дело, Антон Ильич. Этот твой Николай денег мне должен. Я по-хорошему с ним хотел, по-людски. Вот у тебя в руках что?

Дед повертел астрорябию, словно в первый раз ее видел.

– Нехорошо это, – продолжал Ярый, – честно надо жить, ты же нас, пацанов, так учил? А сам? Николая нет. Денег нет. Вот вещица на месте... а ты, Ильич, по всем приметам выходишь крайний. Дело ведь не в деньгах. Дело в принципе. Мы ж ему время дали, по-хорошему с ним, по поня... – Ярый булькнул, будто захлебнулся словами, побагро-

вел и осел на землю.

Ильич поспешно сдернул слуховой аппарат. Астролябия в руках задрожала. Эх, хороша песня – железо вибрирует! Дед увидел, как один из амбалов рухнул, будто подкошенный, зато другой потянул из кармана ствол. Да выронил – видимо, звук стал гуще. У Ярого пена изо рта пошла.

...С год назад было дело: налетели на Ильича, сумку содрали. Он упал, да слуховой аппарат выронил. Тот песком забился и сдох. Только обидчики далеко не ушли: попадали, как кегли, за головы схватились. Дошкандыбал дед до них, забрал сумку. А те на него глянули, как на привидение, и уползли в бурьян. Он так и не сообразил сперва, что случилось. Сел на камень и почуял вдруг тихий, тоскливый плач. Не мог от него отвернуться. Пошел на звук. И увидел, как на камень выбралось существо. Так и познакомились.

Если оно близко плачет, голова раскалывается. А кто под допингом – тем вообще хана.

Ильич не стал ждать, пока троица оклемается. Теперь ему одна дорога – на катера и отсюда подальше. Домой возвращаться не резон...

Песня стихла. Братки лежали вповалку. Не скоро теперь очухаются: по всему видать, трезвых не было.

Зашевелились кусты, и на берег вышел человек. По виду – буржуй, из этих.

– Простите, – сказал он с акцентом.

У него были белесые, как у дохлой рыбы, глаза.

Глаза уже залили, видать, уроды, думала Людка. А ведь запросто могли узнать. Повезло! «Синебрюхов» – это поздний ужин или ранний завтрак?

На пустой желудок две банки джин-тоника ударили в голову – мама не горюй. Вдруг стало безумно смешно. Зверски хотелось: а) пообщаться, б) еще выпить, в) на худой конец, сплясать. Ну, и узнать, что забыл на берегу мил дружочек, Буддой по дурь-башке венчанный.

А нескучно разворачивается картинка! Тот, кто пальцы ей сломал (что ты ломаешься, говорит, я тебя обломаю) с барского плеча ей же пошло пожаловал.

По уму, бежать бы сейчас подальше, но раз такой фарт вышел, пойти посмотреть, что он в гавани забыл?

Главное, ему хоть бы что: каким был, таким и остался. Но кто б знал, что дивная метаморфоза произойдет с пианисткой, его тюкнувшей?

Людмила была трепетна и невинна. Безголовая Люда не боялась ни черта. Ум, честь и совесть – девиз настоящих боевых сосисок, хихикала она, подбираясь бурьянами ближе. То, что увидела, заставило притормозить.

Ее обидчик лежал, как неживой. Рядом валялись двое напарников. Мамадарагая, и зачем ее сюда принесло? Но голова соображала неплохо: пока они в отключке, обшарить карманы. Забрать, что есть, и ходу. Паровоз, автобус, межгород. Подальше отсюда, из этого морока, треугольника бермудского. В деревню. В Крым. Там тепло, там яблоки.

Бандиты не шевелились.

– Американ бой, уеду с тобой, – пел сладкий голос.

Ярый лежал у открытой двери машины. Эх, кирпичом бы тебя за долю девичью, загубленную. Бараньи глаза открыты, но пусты. Бумажник. Ключи в машине... так, хорошо. Неудобно шмонать карманы в костюме! Разогнулась, повернула голову и обомлела. Пара зеленых глаз смотрела на нее. Человеческих, на совершенно невозможном лице. Существо приложило перепончатый палец к губам: мол, тихо!

Людка так и застыла – ни жива, ни мертва...

– Отдайте, – сказал незнакомец.

Да что ж это делается, а? Вот просто так, на голубом глазу, дай? Холеная надменная сволочь. Стоит и ждет. Этот. Стервятник, приехал и считает, что всему хозяин.

– Выкуси! – ответил Ильич.

Ох, жадность человечья. Всех готовы сожрать, и как не подавятся цацками-то своими?

Буржуй достал пачку денег.

– Что ты мне тут доллАрами тычешь? «Рафик» они Кайрату вернут? А Людке пальцы? – Ильич разошелся так, что у самого уши заложило. На закусь от души добавил, куда этому его поганые деньги засунуть надо.

– Хочешь? Нааа! – размахнулся и бросил железку в грязную воду залива.

Нечего. Пусть поползает, гнида.

Все это время гость не сводил взгляд с вещицы. Без со-

мнений: она. Медная, с вязью координат, поделенная на число стихий: огонь, вода, воздух... чертово путешествие, подарившее лишних полсотни лет, началось отсюда. Он помнил, как шел ко дну, сжимая ее, раскаленную, как сковородка ада. Как и из вонючих вод отброшен был в жаркое пекло. Мексика, благословенные берега... не иначе, вещица, выменянная у матроса в Карантинной Гавани, по-русски знавшего только «водка», утянула на далекую родину.

Высоко поднимая ноги, он шагнул в воду.

Из глубины навстречу поднимался его билет в новый век. Знакомое переплетение орнаментов. В первую ночь оно было таким. На вторую узор переменялся, словно подстраиваясь к новому хозяину, и подарил сны о неведомых берегах, где крепкие широкоскулые люди торили путь по часам и звездам. А потом вещица заговорила без слов, когда в ночной лодке сплетенные змеи с орнамента стали двумя волнами, а тихая мелодия на дельфиньем языке возникла в дрожании воздуха....

За астролябией показались руки: зеленые, с перепонками меж пальцев, и лицо, невероятное, нечеловечье, но отчего-то знакомое...

Пронзительный звук. Боль. Она не вмещалась в голове, сквозь барабанные перепонки лезла наружу. Превозмогая, он поймал в вое некую фразу, растянутую, чудовищно замедленную: бо-го-ро-ди-це-де-во-по-миии...

Словно свет вспыхнул в памяти.

– Девочка, ты?

Существо вперило в него взгляд. Перепончатые пальцы тронули стрелку. Тонкий зеленый луч вырвался из прибора.

– Детка, – сказал он. – Софьюшка? Маша?.. – Как же тебя звали?

Пение стихло.

– Что с тобой стало. Я этого не хотел. Но могу все исправить! Я пришел за тобой.

Еще тише, осторожней:

– Клавушка? Сонечка? Нет, постой... Тая! Тебя звали Тая! – нежно, как маленькой умирающей птичке, – боже мой, сколько лет... девочка, как же так получилось?

Не смотреть в глаза. Не спугнуть.

– Отдай, Тая. Помнишь, как мы тут с тобой набедокурили? Давай исправим? Я долго к тебе шел...

Не соврал, из Америк в Россию не близко: континенты, моря, жизни. Молодой торопливый дурак. Потерять все так глупо...

– Я искал тебя, чтобы взять с собой. Ты станешь прежней. У тебя будет белая постель и лучшие кружева. Еще мороженое! Девочки любят мороженое... Отдай.

Тварь скорчилась на камне, лягушка-переросток, спокойнее, придется убить, ничего, не сблюем-с.

– Мы уйдем вместе, ты и я...

Не дрогнуть, коснувшись ледяной руки, вот так, тихонько. Повернуть стрелку, увидеть, как ожила, заиграла медная

вязь. А теперь тихо достать пистолет и избавить страдальицу от столетнего ада...

– Не слушай его, – заорал чертов старик, – беги!

Вот и пистолет пригодился.

Выстрел толкнул Ильича в грудь. На плаще расплылось пятно. Дед увидел, как существо ринулось навстречу буржую, выставив пальцы, словно собираясь вцепиться в глаза. Оно было слишком маленьким. Этот откинул ее, как котенка. Еще один выстрел.

Песок плыл под Ильичом. Казалось, вбок и вкривь уходят баржи и пирс. Он подумал, что земля сошла наконец-то с оси, время вышло из берегов и вот теперь выливается через край.

Извиваясь, захлебывалось воздухом существо. Выругался Ярый – не успел оценить диспозицию, сел, потянул пушку. Гость обернулся, выстрелил: раз, два, три.

– Твоя вишневая девятка, – пропела магнитола.

Из диска клятого прибора полились лучи.

Существо... Тая? Застонало, и стон ее, казалось, отзывался в дрожащих стрелках. Они пели в унисон.

Свет омыл долговязую фигуру. Незнакомец раскорячился, похожий на треугольник на длинных тощих ногах, обутом в армейские ботинки. Он расставил руки, словно обнимая всю гавань. Лучи пронизывали его, и казалось, он пьет их, глотает, как путник, приникший к источнику.

Море стало прозрачным, и на мгновение Ильичу показало-

лось, что он видит всех рыб, когда-то плававших в гавани, всех гадов лесных, что жили, пока здесь стояло болото, всех сброшенных в клятое море людей.

Удар трехтонного джипа пришелся по спине незнакомца. Тот опрокинулся, как кукла.

Боевая сосиска, с вытаращенными от ужаса глазами, сидела, вцепившись в руль.

Гость поднялся. Не так-то просто его убить. Вытер ладонью залитое кровью лицо. Теперь, когда астроябля с ним, боги, какая глупость эти ваши автомобили. Захохотал.

Смех перешел в бульканье, он закашлялся, да так, что согнулся пополам. Свет, живительный древний свет. Пятьдесят новых лет... или сто. Он дотянулся рукой до прибора. Пение на дельфиньем языке, луч...

Приступ рвоты согнул его пополам. Вместо того, чтобы исцелять, свет отбирал последние силы. Зачем?

Хрипя, он опрокинулся на песок, но новая судорога согнула его пополам. Он блевал воздухом, и видел в мареве чужие города, людей, пирамиды...

И понял вдруг, почему.

Это было взаимно. Все, что взял, он теперь отдает. Боги, как глупо и жаль, а славно было бы дальше, вперед, обгоняя...

Как глупо.

Ильич почувствовал, что мир, потерявший устойчивость, накренился уже на другой бок. Астроябля светилась.

Зеленый луч коснулся старика, и внутри затрепетала каждая клетка. Существо в этом свете стало девочкой с толстой косой, в платье с пелериной. Она наклонилась к старику, погладила его по голове:

– Пойдем?..

Как же я пойду, изумился Ильич, нет у меня на это сил. Но силы, оказывается, были.

Сидя за рулем джипа, Люда смотрела, как уходили девочка и старик: сквозь море, воду и камни, за катерки и далекие корабли, по ясно видимой открытой дороге. Дельфинье пение, так непохожее на горестный вой существа, сопровождало их путь. Куда?.. бог весть.

Ее привело в чувство тарахтение мотора. Боцман пришвартовался, деловито осмотрел скелет, четверть часа назад бывший импозантным прибалтом, три трупа, голосащий джип...

Она моментально устала, поняв, что придется объяснять, рассказывать, что-то делать.

Но делать ничего не пришлось.

В гавани сутки спустя загорелась баржа. Да так лихо, что приезжало ТВ. Пожарники тушить отказались, подумали – на фига? Так и дрейфовала, пока не унесло ее к финнам – пусть те разбираются.

...Говорят, раз в год, в белую ночь в Пьяной гавани можно увидеть обоих: девочку и старика. Сидят на причале, молчат о своем.

Впрочем, ленинградцы не очень любят это место. Вернее, петербуржцы: так вышло, что на следующий день жители города вернули Питеру старое имя.

Экстерны

*Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я,
Наконец-то ты, debil,
деканату угодил.
студенческий фольклор*

– Ты уверен? – заместитель декана вздохнул.

– Иван Андреевич, вот так надо, – я резанул ребром ладони по горлу. – А через год вернусь, с новым опытом, и все сдам. Может быть, даже экстерном.

– Ладно, – он сгреб мое заявление на академический отпуск, – иди. Экстерном... а ты в курсе, что половина таких вот оболтусов из академки не возвращается? Вольные хлеба затягивают. А потом дипломы рисуют. Позорят, понимаешь, альма-матер...

Позорить ВУЗ я не хотел. Я решил подработать, а заодно попрактиковаться. Трех курсов фотофакультета, по моим прикидкам, было достаточно.

Проблемы начались, когда сломался фотоаппарат. Денег на новый, естественно, не было. Случайно я забрел в комиссионку на Некрасова – эта лавочка торговала всем, в том числе и подержанной аппаратурой. И там, среди проигрывателей прошлого века и пропахших нафталином шуб мне попался на глаза подержанный «Никон».

Цена оказалась значительно ниже, чем я ожидал, плюс продавец надо мной сжалился, после того, как я, развернувшись в узком проходе, влетел со всей дури носом в стеллаж, и сделал мне скидку за травматизм.

Я купил аппарат и взялся за дело.

Для начала подрядился поработать на свадьбе приятеля. Сами знаете: все эти пенные кружева, галстуки, горластый тамада с кочаном капусты, летающий букет и мамаша в слезах – все на фоне питерских красот-болот. Медному всаднику хоть бы хны – он и не такое видел, а вот меня крепкое облако парфюма, витавшее над тусовкой, к концу вечера наградило мигренью. Но снимки вышли приличные.

Правда, на одной карточке обнаружился странный брак. Вокруг целовавшихся молодоженов ровным кольцом кружились тени предметов: чашки, кастрюли, тарелки. И даже утюг. Представьте: темно-серый ореол из кухонной утвари прямо у жениха над макушкой. Что за дела?

Приятелю я этот баг не стал показывать. Отдал хорошие снимки. Но, распрощавшись, открыл исходник, чтоб разобраться, откуда что взялось. На беду, кореш вернулся – забыл зажигалку.

Увидел он картинку на мониторе и озверел. Желчно заметил, что фабрика слухов работает безотказно. Они с молодой женой, и вправду, живут как кошка с собакой. Летающими кастрюлями его не удивить. Но от меня он такой подлянки не ожидал, и этот глумливый коллаж ставит крест на нашей

дружбе. Я пробовал объяснить, что ничего не монтировал, но этим, похоже, разозлил его еще больше.

Он ушел, грохнув дверью.

Потом мне заказали серию снимков гостиницы на Садовой. Хозяин построил ее на месте бывших меблированных комнат, сгоревших лет сто назад.

Пара фотографий опять оказалась испорчена. На переднем плане, заслоняя хозяина отеля, стояла пожилая женщина в платье до пят, с мрачным обрюзгшим лицом. Губы ее были поджаты, руки скрещены на груди.

Я показал снимок распорядителю и спросил, не знает ли он эту даму. Тот пожал плечами, но спустя день перезвонил мне, и сказал, что профессионалу неэтично забивать голову клиентам дешевыми розыгрышами.

Женщина оказалась прежней владелицей гостиницы, погибшей в пожаре век назад. Ее портрет нашелся в газетных подшивках, репринты которых новый владелец заботливо собирал.

А мне сообщили, что больше в моих услугах не нуждаются.

Все окончательно мне разонравилось после съемок в салоне красоты. Вроде рутина: вид с улицы, вывеска, интерьер. Кабинет косметический, массажный... мастера с дипломами, счастливые клиенты. Стойка администратора... тут я и завис.

Администратором работала такая девушка! В ее глазах

плескались зеленые воды бездны. Светлые волосы отливали изумрудом, когда на них попадал свет вмонтированного в стену аквариума. И она согласилась со мной встретиться.

На фотографии у барышни из-под стойки торчал чешуйчатый хвост.

Я тарасился на жутковатый снимок, гадая, как так могло получиться. Она подошла и заглянула мне через плечо. Ой, что было! Даже не хочу вспоминать.

Порядком устав от нервных клиентов, мы с «Никоном» вышли на улицы Питера. Ох, и не в добрый час. О тайной жизни города я узнал столько...

В Таврическом саду старуха выгуливала отдышливого мопса на цепочки. Мопса, я точно помню. На снимке с цепи рвался упитанный ящер.

Мрачный ДПСник в форме, которого я щелкнул из окошка троллейбуса, на фотографии оказался закутан в темный плащ. Его мучнисто-белое, цвета земляной личинки, лицо украшал слоновий хобот.

Мальчишки-серферы с Дворцовой, которых я долго подавливал в моменты зубодробительных трюков, на снимке вышли вовсе без досок. Зато с крыльями. Остроконечные уши и раскосые глаза делали их похожими на летучих мышей.

Черт подери, я заснял гномов! А как еще назвать крохотных человечков в атласных кафтанах? Один щеткой надраивал ноготь большого пальца атланта, а другой, рыжий, по-

казывал мне язык.

Казалось, я схожу с ума.

С горя показал карточки другу.

– Не гони, – сказал он. – Эти игры с фотошопом ведут в никуда.

Я хотел его щелкнуть на память, но он закрыл рожу рукой:

– Нет уж, спасибо. Себя снимай, мистификатор!.. – и убежал, подав мне мысль.

Автопортрет. Пуркуа бы, собственно, не па? Может, узнаю о себе что-то новое. Обнаружу слегка перекошенный нимб или серебряное копытце?

Сделал снимок перед зеркалом и залил в компьютер.глянул и огорчился: ни тебе крыльев, ни рогов и копыт.

А вот с комнатой было неладно. На снимке, прямо у меня за спиной, была дверь. В реальности – глухая стена, с обоями цвета беж, которые я сам и клеил.

Я подошел и погладил ладонью поверхность. На стене проступили контуры двери без ручки. Я толкнул, и она подалась.

Ну, я и шагнул. С фотоаппаратом на шее и в шлепанцах. Без звонка другу и предсмертной записки. Когда начинаешь видеть невидимое, чувство опасности слегка размывается.

И дверь за мной немедля захлопнулась.

Я оказался в храме, в одной из боковых ниш близ алтаря. Сквозь высокие окна било солнце. Горели факелы и свечи. В духоте плыл сладковатый запах.

Шла месса. Бледные мрачные люди стояли у гроба и слушали священника. Слова гулко разносились под стрельчатыми сводами.

Кто-то взял меня за локоть и сказал недовольно:

– Слишком долго мне пришлось вызывать вас. Приступайте!

Рядом со мной стоял тип в серой сутане. Брезгливой мордой и жидкими волосами он напомнил мне препода по философии.

Ага, вот по чьей милости я тут. Интересно, к чему приступить?

Пока я соображал, собеседник произнес:

– Вот ваша плата, – и протянул кожаный кошель.

Я молчал.

– А вы немногословны, – заметил он. – Возможно, вас интересует собственная безопасность?

Я кивнул. Не то, чтобы понял, о чем речь, но безопасность – да, весьма меня занимала.

– Сделаете дело, и вас доставят в безопасное место. Работайте, ну же!

И тут включился автопилот: при слове «работать» я потянулся к фотоаппарату. Серый вздохнул с облегчением. Неужто я угадал?

Сделал несколько кадров с похорон, и хотел было подойти поближе, но новый знакомец меня остановил:

– Не нужно, чтобы вас видели.

Ага. Дальше – что? Сейчас он протянет мне флешку, я солью картинку и уйду обратно, сквозь стену в тапочках в родные пределы? Чтоб потянуть время, я перевел фотоаппарат в режим просмотра и вскрикнул от изумления. Скорбная месса преобразилась.

Прихожане и монахи остались прежними. А вот центральные фигуры изменились до неузнаваемости.

Они стояли у гроба. Двухголовый карлик в комбинезоне и существо, напомнившее мне ДПСника с Московского: высокий, с хоботом. С ними была миниатюрная девушка. Мертвенно-белая кожа, черные волосы и ярко-алый рот делали ее похожей на готическую сувенирную куклу.

Нелепые разноцветные колпаки, как у малышей на днях рождения, венчали их головы. В руках у существ были кубки.

Покойник выглядел совсем по-человечески. Разве что возмутительно живым: сидел, свесив ноги, на крышке гроба, и глядел по сторонам с веселым любопытством, сжимая в руке пузатую бутылку. Почему-то я решил, что это ром.

Скорбное окружение не изменилось: прихожане, монахи. На коленях возле гроба молилась старушка.

– Ну?! – нетерпеливо дернул меня собеседник, – что?

Я навел фотоаппарат на него. Тот вцепился руками в кулон, висящий на шее, и что-то зашептал на птичьем языке. Кстати, озарило меня, как это я до сих пор понимаю, что он мне говорит?..

– Так не пойдет, – прошипел серый. – Делайте свое дело, а в мое – не лезьте! Отвечайте лучше – они... здесь?..

– Да, – было понятно, о ком он спрашивает.

– Которые? – его ноздри раздулись.

Я медлил. Почему я должен говорить? На фига мне этот кошель, если я даже не знаю, как выбираться отсюда? И что сделали мне эти твари, кем бы они ни были?

– Говорите, – серый изучал скорбящих, словно пытаюсь увидеть то, что открылось мне. Несколько стражников из соседней ниши не спускали с него глаз, ожидая сигнала.

Я сделал еще кадр. То, что увидел, мне не понравилось: девушка стояла, глядя в толпу. Белесые нити тянулись от поднятых рук к прихожанам, опутывая их паутиной. Лица хмурились, в первом ряду рыдала женщина. Это решило дело.

– Этот. Старуха у гроба. Вояка в первом ряду...

Серый кивал, будто и сам подозревал именно их. Стражники бесшумно двигались по залу.

– Все? – переспросил он меня.

Я кивнул.

– Большое спасибо, – сказал он с чувством.

И в мозгу у меня взорвался контейнер с конфетти. Я потерял сознание.

Очнулся от холода. Лежал на каменном полу, в нос било кислятиной. Пульсировала шишка на затылке, голова звенела от боли.

Голос сверху вещал:

– Таким образом, самым безопасным местом в нашем герцогстве является именно эта темница. Вход замурован. Пища и еда буду исправно доставляться. Можете быть совершенно спокойны...

Я дополз до соломенного матраса и опять вырубился.

Проснулся, будто толкнул кто. Так бывает, когда среди ночи вскакиваешь от стука собственного сердца, а через секунду звонит телефон. Саднило бок. Оказалось, все это время я лежал на злополучном «Никоне».

Жидкий свет сочился в окошко. Клетчатая амбразура в тесной каменной комнате, с толстыми стенами и потолком, который вот-вот опустится на тебя, как в старой книжке Эдгара По, вытеснит воздух, и... я готов был заорать от подступающего удушья.

Клаустрофобия, как и было сказано выше.

Голова гудела. Интересно, чем меня приложили? Камнем? Палицей? Я размышлял над этим чисто теоретически, как вдруг понял, что в комнате не один.

На стене появилась клякса. Она росла, принимая символические очертания: ручки-ножки-огуречик, вот и вышел челове... стоп, а это что?

Хобот.

Клякса налилась объемом и отлипла от стены.

– Привет, – сказала черное существо с хоботом, одно из тех, в храме. – Попался! Сейчас мы тебя резать будем.

– Мы? – переспросил я, почему-то больше озаботившись этим «мы», чем гораздо менее симпатичным «резать».

Еще на первом курсе мне говорили, что я неверно выставлю приоритеты.

– Мы, – трубно высморкалось существо, – я, Никодим, и мои товарищи.

На стене наливалась еще одна клякса.

В полном ступоре я наблюдал, как за Никодимом появились остальные: бледная девочка-нежить и двухголовый карлик с сигарой. Его головы по очереди пускали в потолок кольца дыма.

– Сволочь, – сказала девочка и сплюнула мне на тапок.

Слюна зашипела и стала медленно прожигать на ткани дыру.

– Ло-пу-шок, – карлик потрепал меня по щеке, – ну, здравствуй.

Я молчал. Интересно, знал ли серый инквизитор, что мои соседи умеют ходить сквозь стены?

– Я бы, – мечтательно сказала девушка, – засунула его в бочку с соленой водой, – она закатила глаза, – и пускала туда рыбок. Маа-леньких таких. Сперва одну, потом другую...

– Ты про платиновые зубки? – уточник карлик.

Обе его головы вещали хором, синхронно открывая рты. В гулком каменном мешке такая речь создавала стереоэффект:

– Ага. Дело хорошее. За восемь часов остается скелет.

При абсолютно целой, заметь, голове. Далее – бальзамирующий раствор великого дерева Цы, пятнадцать золотых за унцию, работа полировщика – еще три, гранатовая тиара, подделка, разумеется – сторгуюсь за полторы, и – вуаля! Арт-объект: голова принца Гор на белоснежном скелете. Безумный Фил для Заснеженной Галереи с руками оторвет. Отвалит не меньше пятисот. Итого наваро... – головы зашевелили губами, подсчитывая.

– Или вот, например, – мецианские кровососы, – подхватила девушка, и они с карликом мечтательно заулыбались.

– Эээ... коллеги, – начал я, – может, вы потом решите, как телом распорядиться? Уже без меня?..

– Ты куда-то торопишься? – она прищурилась, – А мы – нет....

– Слышь, Магда, а если отдать его малютке Ли на верейскую кухню? – хором предложили головы, – за такой подгон она будет кормить нас до самой смерти!

– Тебе лишь бы пожрать, – возмутилась готическая барышня, – никакой любви к искусству! Вот есть у меня знакомый таксидермист...

– Харе резвится, – осадил друзей Никодим. – Думаете, он сейчас ласты от ужаса склеит?

– Не дождетесь, – буркнул я и спросил: – Кстати, а где покойник?

– Надо же, заметил, – проворчал карлик.

– Он улетел, – лицо Магды стало мечтательным.

– Но обещал вернуться? – уточнил я.

Все почему-то заржали.

– Зря ты его не сдал, братишка, – доверительно сказал Никодим. – Сейчас бы все вместе домой рванули. И бабла, глядишь, побольше б срубил. Сколько там Морт за нас отсыпал? Тут твои тридцать серебряников?

Только сейчас я заметил, что на полу валяется кошель. Надо же, не отобрали. Карлик ловко развязал тесемки и высыпал содержимое.

– Двадцать семь золотых. Круто. Я даже сам себя зауважал...

– Короче, – скомандовал Никодим, – валим отсюда. Открывай, и – ходу. После поговорим. А план хорош, одобряю. Этих монет хватит на приличную пирушку.

Они обступили меня, я почувствовал себя неудобно.

– Ну?! – рявкнул в две глотки карлик, – оглох, что ли? Поехали!

– Куда? – осторожно спросил я, и уточнил на всякий случай: – и на чем?

– Ты че, заигрался, типа? – вызверился карлик. – В несознанку пошел?! Дык я тебе напомню! – обе головы покраснели, кулаки сжались.

– Братишка, – сказал Никодим, – заканчивай клоунаду. Порезвились и будет. Валим отсюда. У меня, знаешь ли, аллергия на плесень. Заводи шарманку, Евдоким.

– Кк-какой Евдоким? – опешил я.

– Хватит уже, – закотив глаза, ответил хоботастый. – Затянулась шутка. Снимай эту морду, тут все свои. Пива, как я понял, ты не принес? Хорошо хоть, Проявитель достал. За это, брат, тебе наш респект и уважуха. И бабло мортово пригодится. Да снимай личину, сказал! – Рывкнул он и сделал в мою сторону сложный жест.

В носу защекотало, и я чихнул. Кроме этого, ничего не случилось.

Вдруг стало очень тихо.

– Это. Не. Евдоким, – отдельно сказал чувак с хоботом. – Где мой брат, падла?

Я не успел ответить по уважительной причине: меня схватили за горло и затрясли. Ноги болтались, а голова стучала о стену. Попробуйте сами общаться в таких условиях.

– Не знаю, – прохрипел я.

– Ти-хо! – рывкнула вдруг девушка, да так, что Никодим опустил хобот и вернул меня на пол. – Дайте его мне!

– Дружок, – сказала она ласково и заглянула в душу алыми, без зрачков, глазами. – Дружок. Если ты не Евдоким, то ты вообще кто? И откуда?

– Витя. Студент. Из Питера, – после шейкера слова с трудом выходили из горла.

Компания переглянулась.

– А Евдоким?.. – начал было карлик, но Магда на него цыкнула.

– Повтори это еще раз?

– Витя. Питер. Петербург, – торопливо сказал я и почему-то добавил: – Ленинград. Петроград.

– Пет-ро-град, – повторила она, не спуская с меня глаз.

И вдруг запела. По-русски. Я не отвечу вам, какой язык мои гости использовали до того и почему я их понимал. Хотя догадка у меня появилась.

Девушка пела, с трудом вспоминая слова:

– Их-ябло-чка-ку-да-котишься-пат-клеш-папа-дешь-не-воро-тишься.

Бледное личико стало мечтательным. Она сказала:

– Девять сезонов назад я была у них в одной заварушке. Я тогда была э-ман-си-пэ. Курила па-хи-то-ску, а потом, в перестрелке...

И, сама себя перебив, спросила:

– У вас там мумию еще в зиккурат на главной площади упаковали, ага?

– Это в Москве, – сознался я. – А я из Питера. Из Петрограда.

– Петрограда, – протянула она и вдруг оживилась:

– А Сережа? Сереженька, золотой, кудрявый, и ресторан на площади у собора. Поэт...

– Помер, – жалостливо сказал я, – то ли сам, то ли убили.

Есть разные мнения...

Нежить расстроилась:

– Гниды! суки белобрюхие.

– Так, – сказал Никодим. – Завязывай вечер воспомина-

ний! Давай-ка, мил человек, по порядку. Как ты сюда попал, где Евдоким и откуда у тебя Проявитель? – он указал хоботом на «Никон».

Пришлось рассказать всю мою историю: про комиссионку, странные снимки и дверь в стене. Момент покупки «Никона» слушателей чрезвычайно заинтересовал.

Пришлось подробно рассказать, как я в комиссионке носом в стеллаж въехал, закапал кровью рубашку и камеру, а продавец разворчался, что теперь я купить «Никон» обязан, и он мне скидку сделает...

– Ну, вот она, жертва, – удовлетворенно произнес Никодим. – Видишь ли, чтоб Проявитель заработал, нового владельца надо инициировать. А тут вышла стихийная жертва – кровь, видать, у тебя хороша.

Девушка-нежить взглянула с возросшим интересом.

– На гемоглобин не жалуясь, – буркнул я и отодвинулся. А всякий случай.

– Стоп, – сказали головы. – Если это не часть плана, что ж ты нас сдал, тогда, гад?

– А я знал, кто вы? – огрызнулся я. – Она вообще паутину тянула, – я кивнул на Магду.

– Не тянула, а вытягивала, – обиделась та. – Мортово заклятье снимала, между прочим. И не успела...

– Ладно... студент. – Давай думать, как выбираться? Простый раз ты дверь на снимке увидел, теперь – как?

Я повертел фотоаппарат:

– А почему у меня его не отобрали?

– Побоялись. Придут за имуществом, когда ты сдохнешь, – хохотнул карлик.

– Собственность тут уважают, – подтвердил Никодим. – Какой мир, а? Жалко уходить. Стихийная магия, зверюги геральдические стадами бегают. Тут тебе и огнегривый лев, и синий вол, и орлы с единорогами. А люди – это ж песня! Один дурачок-самоучка есть... как пойдет поленьями левитировать – закачаешься.

– Ребята, – осторожно сказал я, – вы меня простите, конечно. А сами-то вы кто будете? Такие разные...

Собеседники помрачнели.

– Знаешь, самым интересно, – доверительно сказал карлик. – Вот все бы отдал, чтобы узнать – кто. Возможно, студенты, как ты. Или...

– Хватит, Тор, – резко сказала девушка, – Потом обсудим. Витя, нам нужен выход.

– А чего вы насквозь тюрьму не пройдете? – задал я давно висевший на языке вопрос.

– Нафига? – вспылил Никодим. – Чтобы оказаться в соседней камере?! Да я хоть все стены этого долбанного герцогства насквозь пройду, а к дому ближе не стану!

– Насквозь пройти – не вопрос, – сказала Магда. – А дверь открыть – совсем другой расклад. Не тяни, Витя.

– Может, вы сами? – я протянул фотоаппарат. – У меня опыта мало.

Все трое отступили на шаг.

– Нет уж, спасибо, – ответил карлик. – Он на тебя настроен. А меня долбанет так, что мало не покажется. Хотя, если тебя убить...

– Все, уже работаю! – я схватил «Никон».

Дверь оказалась на стене под окошком. Компания сгрудилась за спиной. Я провел ладонью по каменной кладке, и очертания стали четче. Из-под щели бил яркий свет.

– А он ничего, дело знает, – шепнул Никодим. – Действуй, Витя!

И я толкнул дверь, почему-то рассчитывая оказаться на тюремном дворе. Но пейзаж был иным.

Мы стояли на широком помосте, увитом виноградной лозой и цветами. Шагах в пяти от нас на троне сидел разряженный в парчу и меха мужчина. Одежда сверкала драгоценным шитьем, а на голове красовалась корона.

Плотные ряды стражников отделяли помост от толпы. За ними, сколько хватало глаз, шумело людское море.

– В праздник урожая вляпались, – прошипел Никодим. – Ай да Витя, ай да молодец.

Ликующие возгласы сменились гробовой тишиной. Человек в короне медленно повернулся. Стража вскинула арбалеты.

Человек зычно воскликнул:

– Князь приветствует духов непогоды!

Толпа взревела. Мои спутники заулыбались и замахали

руками. В нас полетели венки из душистых цветов.

– Кажись, обошлось, – шепнул я карлику, не переставая махать и улыбаться.

– Как сказать, – сквозь оскаленные зубы прошипел он в ответ, – духов непогоды тут принято сжигать на костре в конце праздника. В огне осеннего глинтвейна. Вон, видишь, котел за помостом?

Я глянул, куда показали: в эту емкость поместился бы ремонт, если б кому-то пришло в голову сварить бульон. Слуги сыпали в котельное чрево пряности и лили вино из огромных плетеных бутылей. Вид у них был окосевший – винные пары давали о себе знать.

Такой порции пошла хватило б, чтобы свалить с ног мой родной третий курс с деканатом включительно. А они крепкие ребята, уж вы мне поверьте.

Удивительно, что стража не охраняла этот лакомый для пьяниц объект. Через секунду я понял, почему: рядом с котлом, на цепи, сложив голову на чешуйчатые лапы, дремал дракон. Ну, я думаю, что дракон: как по-другому назвать зеленую ящерицу размером с КАМАЗ?

– Линять надо, Витя, пока не поджарили, – ослабившись, сказал Никодим.

Я поднял фотоаппарат и навел его на помост: а ну как в досках окажется люк?

– Не смей! – послышался голос.

Морт, предатель в серой рясе, указывал на нас арбалетчи-

кам.

– Линяем, – завопил Тор во все глотки и спрыгнул с помоста. Мы ссыпались следом. Надо сказать, вовремя: там, где только что раскланивались духи непогоды, в щелястом настиле торчали стрелы.

Никодим несся к котлу, трубя хоботом. А я и не знал, что он так умеет. Тор размахивал алебардой. Магда сыпала искрами с пальцев, да так, что люди у нее на пути разлетались, как кегли. Сколько талантов оказалось у моих новых друзей.

Я пыхтел следом, недоумевая: зачем нам котел? Утопиться? Или надраться напоследок?

– Навались, – заорал Никодим, хватая цепь.

Ящер приоткрыл глаза и откашлялся. Из пасти вылетел огонек.

– Хороший мальчик, – Магда погладила ящеру морду. – Что вы возитесь? – взревела она.

Мы дернули. Карлик оперся спиной за стойку крепления, на которой держался котел.

– И – три! – заорал Никодим.

Раздался треск. Это не выдержали опоры котла. Чан опрокинулся, и густое ароматное варево хлынуло на землю. Воздух наполнился винными парами.

Настроение стремительно улучшалось.

Стражники отпрянули. А толпа напирала: всем хотелось увидеть финальное шоу праздника урожая. Я заметил, как серый Морт отдавал распоряжения арбалетчикам.

В ту же секунду яростный вопль перекрыл шум толпы.

Орал дракон. Кипящий глинтвейн ошпарил бедолаге хвост. Ящер встал на дыбы, вздыбил чешуйчатый гребень и выдрал железную цепь вместе с опорой. Потом расправил крылья и взял вертикальный старт, к счастью, не обратив внимания на лишний груз.

Этим грузом были мы четверо. Плюс цепь.

Обиженная рептилия описала дугу, подставив нас под стрелы арбалетчиков, мстительно плюнула огнем в котел, так, что остаток пошла моментально вскипел, и набрала высоту, унося нас из города прочь.

Я не стану описывать этот полет. Много отдал бы, чтоб его забыть. Из познавательных моментов отмечу один: оказалось, кроме клаустрофобии, у меня еще и боязнь высоты.

Спустя четверть часа оскорбленный ящер добрался до моря и сбросил нас на мелководе.

Мы валялись на песке. Двигаться не хотелось. Дракон маячил черной точкой, взяв курс на линию горизонта.

– Я ведь, Витя, тоже студент, – рассказывал Тор. – Пару сезонов назад застрял тут на практике. Знаешь, как оно бывает: сперва времени вагон, и вдруг – бац! ничего не готово. Ну, и взял академку...

– Тут можно столько материала нарыть, – подхватила Магда, – особенно по зверушкам. Видал, как зелененький меня слушал? и теперь драконологию сдам с закрытыми глазами.

– Экстерном, – кивнул я. – Угу.

Магда прищурилась. Чтобы сгладить бестактность, я спросил:

– А что за балаган вы в храме устроили?

– У них там портал. Во внутренних покоях, куда тело после отпевания помещают. Древний канал, раньше практиканты им пользовались. На голосовые вибрации настроен. Когда погребальные псалмы поют, он активизируется. Зашел – выйдешь в нейтральной зоне, а там уже и до дома рукой... раз в сезон мы одного из наших и отправляли. Чаше нельзя – Морт пасет. Этот гад неместных нюхом чувствует. То ли дар у него, то ли стучит кто...

– Думаешь, нам тут легко? – хобот Никодима загнулся знаком вопроса. – Формально нам тут нельзя. Заповедник же. Но преподы закрывают глаза на многое, если материал им привозишь. Главное – не спалиться. Но мимикрию и стенохождение на первом курсе проходят... А теперь, – он начертил хоботом на песке руну, – домой пора. Послали мы Евдокима, проявитель в Универе выклянуть... ну и за пивом заодно. Озвереешь тут без пива, одно вино...

– Вы похожи с ним? – спросил я.

– Близняшки.

– Видел я его, – и рассказал ДПСнике с Московского проспекта.

– Бабло значит, с водителей рубит. Ну-ну. Этот не пропадет. Ладно, теперь бы домой. Давай, Вить, еще раз попробуем.

– На вашем месте я бы на него не рассчитывал, – раздался голос.

На пригорке стоял Морт. Пики стражников за его спиной золотило солнце.

– Не дергайтесь, – серый человек усмехнулся. – Вы умеете ходить сквозь стены – увы. Я не буду строить для вас зачарованную темницу. Дорого, ненадежно. Чтоб не разорять казну, я буду вынужден вас убить.

– А, может быть, отпустить? – я услышал собственный голос. – Мы и так собирались уйти. Дайте нам пару минут, и больше вы нас никогда не увидите.

– Не будет вас, придут другие, – сказал Морт. – Я хочу сберечь этот край в неприкосновенности. Чтоб чужаки никогда не ступали на эту благословенную землю.

– Мы сами уйдем, и другим накажем, – сказал Тор.

Я видел, как он незаметно подгребает ногой поближе к себе увесистый сук.

– Не шевелиться, – приказал Морт. – Никто не покинет этого берега!

Он сделал знак страже.

Время вдруг растянулось, замедлилось, ворочаясь, будто муха в янтаре. Я видел, как медленно опускалась рука Морта, и синхронно поднимали арбалеты стражники. Заметил, что на воде играет бликами закатное солнце, и даже стрелу, летящую прямо в сердце, успел разглядеть. Миг растягивался, отмеряя последние секунды жизни.

И вдруг – остановился.

В воздухе висели стрелы. Воины не успели опустить оружие. Застыл в прыжке Никодим, сбивая Магду с линии огня, два рта Тора синхронно раскрылись в неслышном крике. Я видел пестрое оперение висящей у сердца стрелы, но не мог шевельнуться.

А из воды прямо к нам выходил господин в строгом костюме, галстук и безупречно начищенных штиблетах. К правому ботинку прилипла водоросль. Он брезгливо смахнул ее носовым платком. Неодобрительно оглядел мизансцену и щелкнул пальцами.

Стрелы попадали.

– Эту благословенную землю, – передразнил он Морта. – Неплохо для эколога-недоучки, – он сжал кулак и резко расправил пальцы, выбросив пятерню в сторону инквизитора.

Мрачная фигура Морта окуталась дымкой. Миг – и туман рассеялся. На его месте стояло, потупив голову, коренастое существо в коротких шортах. Мохнатые ноги были босые, глазки из-под нависших бровей смотрели с испугом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.